ЭМИЛИЯ ВЕЙН

ПЯТЬ ПРАВИЛ ДЛЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ

КЛУБ МЕРТВЫХ АЛХИМИКОВ

Тео Вальтер

Эмилия Вейн

«Автор»
2026

Вальтер Т.

Эмилия Вейн / Т. Вальтер — «Автор», 2026

Закрытая академия не прощает ошибок тем, у кого за спиной нет громкой фамилии. Когда Клара Вейн получает конверт с черной сургучной печатью, кажется, что это билет в новую жизнь. Но за готическими витражами, запахом старого пергамента и ночными лекциями по латыни скрывается расшифровка запретного манускрипта, способного пробудить древнее проклятие в стенах кампуса.В стенах кампуса действует негласный закон: не открывать двери после полуночи и не переходить дорогу тому, кого называют тайный совет попечителей академии. Вот только чтобы выжить до зимней сессии, придется нарушить оба правила.

© Вальтер Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поезд в туманный Грейстоун 6
Глава 2. Соседка по северному крылу 12
Глава 3. Первая лекция по мертвым языкам 19
Глава 4. Правила после полуночи 27
Глава 5. Записка между страниц 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Тео Вальтер
Эмилия Вейн

Пять правил для первокурсников
Эмилия Вейн

Глава 1. Поезд в туманный Грейстоун

Перо из закаленной стали скрипело о вощеную бумагу так натужно, словно распарывало живую плоть.

Клара Вейн прижала мизинец к нижнему краю листа, удерживая тетрадь от тряски. Вагон третьего класса дребезжал на стыках рельсов уже шестой час, наполняясь удушливой смесью угольной гари, мокрой шерсти дешевых пальто и кислого запаха остывшего картофельного бульона. Напротив нее дремал коммивояжер с сальным лицом, уронив подбородок на манишку из фальшивого крахмала; в проходе плакал простуженный младенец, а за тонкой переборкой проводник глухо переругивался с безбилетником из портовых трущоб.

Никому в этом чадном стойле не было дела до девушки в темном шерстяном жакете с потертыми обшлагами. Для них она была всего лишь еще одной сиротой, пойманной в силки государственной милости: тощая шея, слишком прямая спина, руки в чернильных въевшихся полумесяцах под ногтями. На коленях Клары лежал тяжелый фолиант по сравнительной латыни, купленный у старьевщика за четыре медяка, — надежный щит от праздных взглядов.

Но под широким разворотом мертвого языка пряталась совсем другая книга.

Узкая записная книжка в переплете из грубой телячьей кожи пахла уксусом, сушеной рутой и аптечной серой. Ее не должно было существовать в природе. Восемнадцать дней назад декан исторической эпиграфики Джулиан Мерсер вышел из своего кабинета в западном крыле Грейстоунской академии, оставив на столе недопитый чай и карманные часы из червонного золота, мерно отсчитывавшие секунды на мраморной столешнице. Больше его никто не видел. Констебли графства прочесали вересковые пустоши, осмотрели заброшенные сланцевые каменоломни и выловили баграми пару полусгнивших овечьих туш из торфяных топей. Газеты провинции деликатно намекали на меланхолию ученых мужей и карточные долги в столичных клубах.

Клара знала правду. По крайней мере ту ее часть, которая не укладывалась в полицейские протоколы.

Она нашла дневник под рассохшейся половицей архива редких рукописей, где три года работала переплетчицей за копейки и право ночевать в каморке под стропилами. Мерсер спрятал тетрадь не от жандармов. Он прятал ее от Совета Попечителей.

«Если круг замкнется до дня осеннего равноденствия, камень перестанет пить воду и начнет требовать кость», — гласила единственная строчка на титульном листе, выведенная твердой рукой декана на верхненемецком наречии шестнадцатого века. Все остальные страницы представляли собой хаос. Плотная сетка цифр, чередующаяся с искаженными греческими корнями, алхимическими глифами и обрывками литургических проклятий.

Поезд резко качнуло на стрелке. Керосиновый рожок под закопченным потолком жалобно звякнул, мазнув желтым кругом по коленям Клары. Стальное перо дернулось, оставив на промокашке жирную кляксу, похожую на раздавленного жука.

Клара замерла, не дыша. Ее пальцы, окоченевшие от сырости, медленно вывели на клочке черновика очередной ряд:

7 — 14 — 2 — 19. Theta. Corvus. Porta.

Шифр Тритемия. Старик Мерсер был педантом до мозга костей, но в последние недели перед исчезновением его аккуратный почерк ломался, буквы наползали друг на друга, словно он писал в темноте или его пальцы сводила судорога. Он использовал полиалфавитную решетку, наложенную на текст запрещенного трактата «De Umbris Idem» — книги, сожженной на площади перед городским собором еще при первых Тюдорах. Но декан изменил шаг смещения. Он привязал его к лунному календарю и… к именам.

Клара прикусила внутреннюю сторону щеки до солоноватого привкуса меди. Боль отрезвляла, выжигая сонливость и липкую тревогу, сидевшую под ребрами с самого отбытия из столицы.

— Разрешите пройти, сударыня.

Голос прозвучал не от кондуктора и не от уставшей торговки. Он был сухим, поставленным, с той невыносимо гладкой интонацией, какую приобретают дети в закрытых пансионах еще до того, как у них начинают ломаться зубы. Интонация людей, которые никогда в жизни не торговались за фунт мерзлой трески и не штопали чулки конским волосом.

Клара не вздрогнула — тренировка в полутемных коридорах архива научила ее владеть мускулами лица лучше, чем многие владеют шпагой. Одним выверенным движением она сдвинула тяжелый том латыни, накрывая тетрадь Мерсера, и подняла глаза.

В узком проходе стоял юноша. Ему было не больше двадцати: породистое, вытянутое лицо с тонкими, почти бескровными губами и прямым носом, надломленным у переносицы, словно от старого удара боксерской перчаткой. Пальто из тяжелого темно-зеленого сукна с бобровым воротником распахнуто, открывая шерстяной жилет цвета сухой полыни и серебряную цепочку хронометра. Но внимание Клары приковала не роскошь его дорожного костюма, нелепо смотревшегося среди заплеванных шелухой досок третьего класса, а перстень на его указательном пальце.

Черненное серебро. Сова с расправленными крыльями, сжимающая в когтях переломленный ключ.

Студенческий орден «Архитекторы Ночи». Старший курс факультета натуральной философии. Элита из элит, чьи деды заседали в палате лордов, а отцы владели угольными бассейнами на севере.

— Здесь свободно? — спросил он, хотя диван напротив коммивояжера был пуст лишь наполовину.

— Вагоны первого класса остались четырьмя секциями ближе к паровозу, — ответила Клара ровным, бесцветным голосом, глядя ему прямо в переносицу. — Там топят брикетами из прессованного бука, а чай подают в фарфоре.

Юноша усмехнулся — уголок рта дернулся вверх, обнажая ровные, хищные зубы. В его серых, мутных, как речной лед, глазах мелькнуло холодное любопытство энтомолога, нашедшего редкую гусеницу на гнилом заборе.

— В первом классе чудовищно пахнет лавандовой водой старых графинь и табаком колониальных чиновников, — он шагнул в купе, не дожидаясь приглашения, и опустился на деревянную скамью рядом с храпящим торговцем. Тот даже не шелохнулся, лишь булькнул слюной во сне. — К тому же там не читают «Грамматику» Доната в редакции 1482 года. Вы держите ее вверх ногами, сударыня.

Холодная игла страха кольнула Клару под диафрагму, но взгляд ее остался неподвижным. Она нарочно перевернула книгу, когда задвигала дневник.

— Я проверяю плотность нити в корешке, сэр. Четвертая тетрадка расходится по шву. Если ее не перешить льняной вощеной дратвой, через двадцать страниц комментарии епископа Августина рассыплются по полу.

Парень наклонил голову, изучая ее с новым выражением. Его взгляд скользнул по ее пальцам с чернильными пятнами, по жесткому воротничку блузки, застегнутому на дешевую костяную пуговицу, и задержался на бронзовой бляхе ее дорожного саквояжа, где стояло штампованное клеймо: *«Стипендиальный фонд имени святого Иуды»*.

— Стипендиатка, — произнес он не с презрением, а с констатацией факта, будто определил пробу серебра на спиле. — Гуманитарный набор. Кажется, деканский совет в этом году расщедрился на троих нищих буквоедов, чтобы успокоить газетчиков из либеральных листков.

— Четверых, — поправила Клара. — Один утонул в доках за неделю до распределения. Так что совет сэкономил на казенном пансионе тридцать фунтов стерлингов.

Незнакомец негромко рассмеялся. Звук был сухим, как треск ломающихся сучьев на морозе.

— Очаровательно. Практицизм плебеев всегда восхищал меня своей первобытной прямотой. Я — Джулиан. Джулиан Торн.

Клара сжала пальцы под фолиантом так, что ногти впились в ладони. *Джулиан*. Тезка пропавшего декана. Нет, хуже. Торн — это фамилия председателя попечительского совета академии, лорда-канцлера юстиции. А этот щеголь с глазами мертвой щуки — его единственный племянник.

— Клара Вейн, — она не протянула руки. В мире, откуда явился Торн, джентльмен не подавал руки стипендиатке, а стипендиатка не смела первой называть свое имя без приставки «ваша покорная слуга».

— Вейн… — протянул Торн, пробуя слог на вкус. — Никакого отношения к Вейнам из Саффолка? Тех, чьи конюшни сгорели вместе с поместьем в сорок шестом?

— Мой отец чинил колеса на почтовой станции в Бристоле, пока не сломал хребет под фургоном с железом, мистер Торн. Из благородного у нас в доме были только крысы.

— Прекрасно, — он откинулся на спинку жесткой лавки, не обращая внимания на угольную пыль, оседавшую на его безупречное сукно. — Терпеть не могу обедневшую знать. У них всегда слишком много претензий на семейное серебро и слишком мало ума, чтобы отличить гекзаметр от ямба. Что вы забыли в Грейстоуне, Клара Вейн? Девушкам вашего сословия обычно находят места гувернанток в купеческих домах Манчестера. Там тепло, сытно, и хозяева редко требуют знания латыни дальше молитвы перед пудингом.

— В Манчестере пахнет хлоркой и текстильными фабриками, — отрезала Клара. — А в библиотеке Грейстоуна хранится семьдесят тысяч томов некодифицированных рукописей. Совет выплачивает мне двенадцать шиллингов в месяц за каталогизацию монастырских описей четырнадцатого века. На эти деньги можно купить много овсянки и чернил.

— И умереть от чахотки к двадцати четырем годам в сырых подвалах башни Святого Себастьяна, — закончил за нее Торн. В его голосе прозвучала странная, почти предупреждающая нота. — Вы не представляете, куда едете, мисс Вейн. Грейстоун — это не просто школа для отпрысков старых фамилий. Это каменный склеп, построенный на болотах, которые помнят жертвоприношения бриттов. Здесь стены высасывают из людей тепло быстрее, чем ростовщики — последние гроши. Особенно из тех, за кем никто не пришлет закрытый экипаж, если они вдруг перестанут спускаться к завтраку.

Его пальцы на секунду коснулись перстня с совой. Клара заметила, что внутренняя сторона его манжеты была слегка испачкана чем-то бурым, похожим на засохшую кровь или железистую охру.

— Декан Мерсер тоже перестал спускаться к завтраку, — тихо бросила она, глядя прямо в его серые зрачки. — За ним прислали экипаж?

Воздух в купе будто сгустился. Спящий коммивояжер внезапно всхлипнул, дернулся и повернулся на другой бок, задев плечом Торна. Молодой аристократ даже не поморщился. Вся ленивая расслабленность слетела с него в долю секунды, уступив место хищной, натянутой, как струна, неподвижности.

— Мой дядя был старым безумцем, — процедил Торн, понизив голос так, что слова тонули в гуле паровозных колес. — Он возомнил себя ключником там, где требовалось быть всего лишь часовым. Он совал свой нос в архивы закрытой секции, забыв, что некоторые тексты не предназначены для чтения смертными глазами. Вы ведь работали в архивном отделе последние полгода, не так ли, мисс Вейн? Ваша подпись стоит в журнале выдачи масляных ламп.

Клара почувствовала, как вдоль позвоночника прокатилась волна колючего холода. Он знал. Этот холеный мальчик из «Архитекторов Ночи» с самого начала знал, кто она такая. Он пришел в третий класс не из прихоти и не из отвращения к лавандовому табаку первого класса.

Он искал ее.

— Я выдавала масло и собирала огарки, мистер Торн, — ее голос прозвучал удивительно спокойно, с той холодной твердостью, какую дает человеку привычка годами выживать на краю пропасти. — Профессора редко разговаривают с теми, кто подметает у их ног золу. Дядя ваш казался мне человеком, который слишком много пил крепкого портера и слишком громко кричал во сне, когда засиживался за разбором хартий аббатства Кроуленд.

Торн смотрел на нее долгие пять секунд. В полумраке купе его зрачки расширились, почти затопив радужку.

— Завтра в полночь начнется неделя Инициации, — сказал он, поднимаясь со скамьи. Его пальто тяжело качнулось, обдав Клару запахом дорогого табака, горького миндаля и… той самой аптечной серы, которой пах дневник Мерсера. — Первокурсникам раздадут черные мантии без гербов. Держитесь подальше от тех, кто носит серебряные цепочки на запястьях, мисс Вейн. И ради всего святого, не задерживайтесь в читальном зале после удара колокола к вечерне. Наш милый Грейстоун не прощает любопытства тем, у кого нет герба на могильной плите.

Он развернулся и вышел в коридор, бесшумно прикрыв за собой дверь с мутным, дребезжащим стеклом.

Клара выждала ровно пятьдесят ударов сердца. Затем наклонилась вперед, прижалась виском к холодному оконному стеклу и выглянула наружу. Поезд огибал скалистый уступ Черного Ущелья. Внизу, в сотне футов под насыпью, ревела невидимая в сумерках река, пенясь среди гранитных валунов. А впереди, сквозь клубы паровозного дыма и ползущую с низин белесую пелену, уже проступали очертания Грейстоуна.

Это не было похоже на обитель просвещения.

Над черной щетиной соснового бора вздымались циклопические башни из темного, источенного солеными ветрами песчаника. Острые шпили колоколен распарывали низкое свинцовое небо, словно наконечники пик. Ни одного теплого огонька в узких, похожих на бойницы окнах — лишь на самой высокой, Октагональной башне, тускло пульсировал зеленоватый свет, отражаясь в низких облаках. Казалось, огромный каменный спрут выполз из древнего болота и застыл на холме, раскрыв сотни незрячих глаз навстречу надвигающейся ночи.

Грейстоунская академия семи свободных искусств и тайной натурфилософии. Место, куда сиротам не было пути, если только их не выбирали в качестве…

Клара оборвала мысль. Дрожащими руками она снова откинула тяжелую латынь.

«Слова Торна. В них был ключ».

Она лихорадочно перебрала в памяти каждую фразу, оброненную юношей. *«Ключник там, где требовалось быть всего лишь часовым… Неделя Инициации… Чахотка в подвалах башни Святого Себастьяна…»*

Себастьян. Седьмой мученик. Римский легионер, пронзенный стрелами.

В шифре Мерсера на сорок восьмой странице был чертеж: человек, привязанный к столбу, вокруг которого вились девять змей с латинскими литерами вместо голов. Клара схватила стальное перо. Чернила кончились, но на кончике еще оставалась засохшая корка. Она с силой провела по бумаге, процарапывая волокна до белизны.

Если сместить решетку не по дням луны, а по числу стрел святого Себастьяна — семь стрел, семь факультетов, семь основателей…

Буквы на полях дневника внезапно потеряли свою хаотичность. Они выстроились в ровные, леденящие кровь строки, написанные торопливой, сбивчивой латынью:

«Они не ищут преемников. Академия — это не школа, это печь. Каждые сорок девять лет, когда комета встает в зените над Шпилем Ворона, Совет обновляет скрепляющую кровь. Им нужны не отпрыски лордов — их кровь защищена древними родовыми клятвами, тронешь их — восстанут гарнизоны столицы. Им нужны пустые сосуды. Дети без рода, без племени, чьи имена стерты из церковных книг. Стипендиаты».

Клара замерла. В горле пересохло так, что стало больно сглатывать.

Она вспомнила день, когда в сиротский приют в предместье Бристоля прибыл поверенный в черном сюртуке. Никаких экзаменов. Никаких вопросов о знании грамматики или истории. Старик лишь долго разглядывал ее ладони, посветил керосиновым фонарем прямо в зрачки и заставил капнуть кровью из пальца на старую медную пластину с выгравированным павлином. Пластина потемнела, зашипела, оставив на коже ожог в форме крошечного полумесяца. Поверенный тогда лишь сухо кивнул и отсчитал директору приюта двадцать золотых соверенов.

«Пустые сосуды».

Пальцы Клары перевернули страницу. Бумага здесь была шершавой, залитой чем-то бурым — тем же веществом, следы которого она видела на манжете Джулиана Торна.

«Я пытался сломать печать в склепе Себастьяна, но опоздал. Мой племянник… Джулиан уже отдал свою тень Первому Зодчему. Он ведет четверку новых агнцев на заклание. Если вы читаете это, Клара, значит, моя записка дошла до вас через архив. Бегите. Не сходите с поезда на станции Грейстоун. Прыгайте на стрелке у Черного Ущелья, ломайте кости, разбивайтесь о камни — любая смерть лучше того, что начнется, когда колокол пробьет полночь Самайна. Они уже знают ваше имя. Вы — не четвертая. Вы — Первая. Замковый камень для пробуждения Того, Кто Спит Под Сланцем».

Раздался оглушительный, раздирающий уши скрежет.

Чугунные колодки тормозов впились в колеса состава. Вагон дернулся с такой чудовищной силой, что Клара едва удержалась на скамье, вцепившись побелевшими пальцами в край столика. Фолиант по латыни с грохотом полетел на пол, взметнув облако серой вековой пыли. Спящий коммивояжер с криком скатился со своего места, ударившись лбом о ножку скамьи. В коридоре зазвенели бьющиеся стекла, послышались истошные женские вопли и панический топот ног.

Поезд не плавно замедлял ход перед перроном. Его остановили аварийным краном.

Снаружи, прямо под окнами, зашипел раскаленный пар, вырываясь из лопнувшей соединительной трубы. Белое, непроглядное облако заволокло стекло, отрезая купе от окружающего мира.

Клара схватила дневник Мерсера, сунула его во внутренний карман жакета, прижав к ребрам, и накинула на плечи свое старое, штопаное пальто. Сердце колотилось в горле тяжелыми, мерными ударами, но мысли работали с кристальной, пугающей четкостью.

«Прыгать на стрелке».

Она опоздала. Состав стоял мертво.

В коридоре послышались тяжелые, размеренные шаги. Это не была паника пассажиров третьего класса. Железо подков гулко и властно печатало шаг по доскам пола. Один. Два. Три человека.

Клара метнулась к узкой двери купе, потянула латунную ручку на себя, но та даже не шелохнулась. Дверь была заперта снаружи на задвижку.

— Откройте! — завопил коммивояжер, поднимаясь с пола и размазывая кровь из рассеченной брови по щеке. — Чертовы стрелочники! Я буду жаловаться управляющему дороги! Я везу образцы шелка для самого…

Слова застряли у него в глотке.

Сквозь мутное, покрытое трещинами стекло двери проступил силуэт. Высокий, неестественно тонкий человек в широкополой черной шляпе и длинном форменном плаще с серебряным шитьем по вороту. Но лица его было не разглядеть — вместо фонаря он держал перед собой тяжелую бронзовую жаровню на цепях, из которой валил густой, тяжелый дым с запахом жженых костей и сырой земли.

Стекло не разбилось. Оно просто потекло, словно кусок нагретого пчелиного воска, пропуская внутрь купе ледяной, невыносимо сырой воздух с болот.

Раздался сухой щелчок. Задвижка скользнула вбок.

Дверь медленно отворилась.

На пороге стоял Джулиан Торн. Но теперь на нем не было щегольского темно-зеленого пальто. Поверх его плеч лежала тяжелая мантия из черного бархата с капюшоном, подбитым серым волчьим мехом. В правой руке он держал трость из полированного эбенового дерева с набалдашником в виде совиного черепа. А на его бледных, почти белых губах застыла вежливая, светская улыбка, от которой у Клары заледенели кончики пальцев.

За спиной Торна в тумане коридора стояли двое слуг в глухих железных масках без прорезей для рта.

— Прошу прощения за неудобства, мисс Вейн, — произнес он мягким, бархатным голосом, склонив голову в изысканном поклоне. — Паровоз сошел с рельсов на стрелке перед мостом. Кажется, старый машинист внезапно ослеп прямо у топки. Какая досадная, нелепая трагедия для железнодорожной компании.

Торн шагнул в купе, аккуратно переступив через вопящего от ужаса торговца, словно тот был кучей грязного тряпья. Его трость с металлическим стуком опустилась на пол прямо перед носками стоптанных ботинок Клары.

— Но для вас путешествие окончено, — он протянул затянутую в черную лайковую перчатку руку ладонью вверх. На его ладони лежал не ключ и не студенческий билет.

Там лежали золотые карманные часы декана Джулиана Мерсера.

Их стекло было покрыто бурыми пятнами, а тонкая стрелка из вороненой стали бежала по циферблату с бешеной скоростью.

Назад. Против хода времени.

— Добро пожаловать в Грейстоун, дитя мое, — тихо прошептал Торн, и в глубине его серых глаз Клара увидела, как корчатся в беззвучном крике крошечные человеческие тени. — Совет ждал именно вас целых сорок девять лет. Сдайте тетрадь моего покойного дяди кондуктору… или мы заберем ее вместе с вашими пальцами.

Глава 2. Соседка по северному крылу

Секундная стрелка на карманных часах покойного декана не просто шла вспять — она вздрагивала с сухим, стрекочущим звуком, похожим на шорох потревоженного жука-древоточца.

Клара не отшатнулась. Пальцы в кармане ее драпового жакета плотнее сжались вокруг латунного цилиндра ручного железнодорожного фонаря, вывернутого из настенного гнезда за пять минут до крушения. Металл успел нагреться от тела, его резьба впивалась в основание указательного пальца, отрезвляя тупой, сосредоточенной болью.

Джулиан Торн продолжал улыбаться. В этой улыбке не было ни капли злобы — лишь снисходительная вежливость коллекционера, обнаружившего, что редкая бабочка на булавочной подушке еще слабо шевелит лапками. За его плечами, в туманной щели между сорванной дверью купе и перекошенным коридором, стояли слуги. Их железные маски тускло отсвечивали цинковой синевой. Они не дышали — во всяком случае, пар от их губ не смешивался с болотным чадом, валившим сквозь расплавленное окно.

— Мой дядя страдал прискорбным недугом, мисс Вейн, — негромко произнес Торн. Трость с совиным черепом чуть качнулась в его пальцах, эбеновое дерево глухо стукнуло о перекосившуюся половицу. — Он верил, что плебейскую грязь можно выжечь латынью, а природную глупость — исправить геометрией теней. Совет терпел его причуды сорок лет. Но архив деканата — собственность попечителей. Отдайте тетрадь. Не заставляйте кондуктора использовать щипцы не по прямому назначению.

— В параграфе девятом Устава Грейстоуна сказано иначе, мистер Торн, — голос Клары прозвучал ровно, хотя в горле стоял едкий привкус болотного торфа и горелого машинного масла. — До тех пор пока соискатель не переступил порог Обсидиановых врат, его имущество охраняется правом дорожного убежища. Лишение студента рукописных материалов до церемонии имматрикуляции приравнивается к поджогу университетской библиотеки. Карается пожизненной ссылкой на соляные копи Карфаса. Вы читали Устав, мистер Торн? Или в вашем выпуске предпочитали заучивать только меню попечительских обедов?

Один из слуг за спиной Торна едва заметно качнулся вперед, но трость взметнулась, перерезав воздух, и застыла в дюйме от глухой железной пластины.

Улыбка Торна стала шире, обнажив ровные, слишком белые зубы.

— Прекрасно. Хватка уличной девчонки, завернутая в судейскую схоластику. Мой покойный дядюшка действительно нашел в вас родственную душу. Вот только вы упустили одно обстоятельство, мисс Вейн.

Торн шагнул ближе. Тонкий запах его одеколона — горький бергамот, вымоченный в формалине, — ударил Кларе в нос, перебивая гарь.

— Поезд сошел с рельсов за три мили до границ университетских земель. Вы еще не соискатель. Вы просто нищая девица, заблудившаяся на топях. А болотная лихорадка здесь забирает тела без лишних бумаг.

Клара не стала дожидаться, пока он закончит фразу.

Ее тактический расчет строился не на параграфах. Он строился на лопнувшей чугунной трубе отопления, проходившей прямо под скамьей третьего класса.

Выдернув из кармана латунный цилиндр, Клара с размаху вогнала его резьбовой конец в свистящую паром щель паропровода и рванула на себя. Смятый металл поддался. Струя перегретого пара вперемешку с кипящей ржавой водой и смолистым конденсатом с оглушительным ревом вырвалась наружу, ударив прямо в грудь Торна и лица безглазых слуг.

Торн отпрянул с тихим, полным яростного удивления шипением — волчий мех на его мантии мгновенно намок и осел, наполнив воздух невыносимой вонью паленой шерсти. Желез-

ные маски слуг запотели, превратившись в слепые металлические щиты; один из них взмахнул руками, зацепив плечом балку перекрытия.

Клара не смотрела на них. Прижав левой рукой к ребрам тяжелый матерчатый сверток с тетрадью Мерсера, она бросилась в проем расплавленного окна.

Воздух снаружи резанул по легким ледяным бичом.

Она покатилась по крутому железнодорожному насыпному склону, обдирая ладони о колотый гранит и мерзлую вересковую пустошь. Колючие стебли терновника рвали плотный драп юбки, холодная, илистая жижа болотной ямы приняла ее с чавкающим звуком, мгновенно промочив ботинки и чулки до самых колен.

Клара вскочила, не позволяя оцепенению сковать мышцы. За спиной, в искореженном чреве вагона, глухо треснул револьверный выстрел — свинец выбил фонтанчик грязи в трех футах правее, обдав лицо комьями торфа.

Она не побежала по шпалам. Торн ждал бы от нее попытки держаться дороги. Клара знала из старых топографических карт Мерсера: железнодорожная насыпь пересекала Черные Топи по дуге, а старый лесосплавный канал, прорытый монахами еще в шестнадцатом веке, вел прямо к водозаборной арке Северного бастиона.

Она нырнула в туман, ориентируясь лишь по запаху гниющих ольховых свай и далекому, едва слышному гулу монастырского колокола. Ноги вязли в жиже, каждый шаг отдавался глухой болью в ушибленном боку, но тетрадь под мокрым сукном оставалась сухой. Это было единственным, что имело значение.

Спустя сорок минут бега по пояс в ледяной испарине болотный мох сменился битым сланцем. Из молочно-белого марева выросли циклопические опоры виадука.

Грейстоун не был замком в привычном смысле. Он походил на гигантскую окаменевшую тушу допотопного ящера, вросшую в гранитный утес над Черным озером. Черные башни уходили в низкое свинцовое небо острыми гранями, витражи верхних галерей горели тусклым янтарным светом сквозь пелену дождя, а водосточные желоба в виде химер с отбитыми крыльями изрыгали потоки темной воды в озеро.

Северная калитка — узкая щель в крепостной стене, обитая кованым железом с рядами тупых заклепок, — оказалась приоткрыта на ширину ладони.

На выщербленном каменном пороге сидел привратник в выцветшей серой ливрее. Его деревянная нога была вытянута вперед, а на коленях лежала раскрытая конторская книга с пожелтевшими листами. От старика разило можжевеловым джином и квашеной капустой.

— Имя, — прохрипел он, даже не подняв мутных глаз от чернильной строки.

— Клара Вейн. Стипендиат фонда покойного декана Мерсера. Натурфилософия и сравнительные тексты.

Привратник скрипнул гусиным пером, окунув его в чернильницу из коровьего копыта.

— С опозданием на три часа, Вейн. Поезд потерпел крушение? Какая жалость. Компания спишет ваш саквояж на убытки от стихии. Багаж не компенсируют.

— Мой багаж при мне, — Клара сжала мокрый сверток.

Старик окинул ее взглядом — от разорванного рукава жакета до покрытых болотным илом носков ботинок — и на его губах дернулась горькая усмешка завсегдатая похорон.

— Северное крыло. Четвертый ярус под стропилами. Комната двенадцать. Завтра в шесть утра — перекличка в Часовне Кающихся. Если опоздаете, младший декан Торн заставит вас переписывать Псалтирь на языке древних карфасян стоя на горохе. Ключ торчит в замке. Свечи купите в лавке экономa. Если есть на что.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за ее спиной с глухим стуком склепа.

~ ~ ~

Северное крыло Грейстоуна строилось в те века, когда университет еще считался монастырской тюрьмой для еретиков и схизматиков.

Южные и Восточные квадранты щеголяли паровым отоплением, дубовыми панелями и коврами, приглушавшими шаги профессоров. В Северном крыле пахло не наукой. Здесь стоял застарелый, въевшийся в известку дух сырой штукатурки, карболки, мышиного помета и дешевого лампового сала. Винтовая лестница кружила бесконечной каменной спиралью: ступени были выбиты посередине тысячами подбитых гвоздями подошв, а со стен сочилась холодная, солоноватая влага — «слезы попечителей», как называли ее местные податные студенты.

Клара поднялась на четвертый ярус, чувствуя, как мокрая ткань жакета начинает деревенеть от сквозняка.

Комната номер двенадцать пряталась в самом конце узкого коридора, под нависающей балкой стропил. На оббитой войлоком дубовой двери ножом было выцарапано несколько поколений инициалов, латинские ругательства и изображение повешенного филина — герба семьи Торнов.

Клара толкнула дверь плечом.

Петли взвизгнули. В нос ударил густой, душный коктейль запахов: едкий табачный дым с отчетливой нотой жженой гвоздики, горький миндаль, аптечный эфир и застарелая сырость нетопленого очага.

— Закрой дверь с той стороны, чучело, — раздался из полумрака хриплый, насмешливый голос. — Если это сквозняк, я отморожу себе уши. Если это инспектор общежития, скажи ему, что я повесилась в бельевой еще во вторник, а мое тело утащили сомы в Черное озеро.

Клара шагнула через порог и прикрыла створку, не спуская глаз с хозяйки голоса.

Комната была длинной и узкой, как погребальная ниша. Два стрельчатых окна с ромбовидными свинцовыми переплетами выходили на глухую стену часовой башни, сквозь щели в рамах свистел вересковый ветер. Слева стояла пустая железная койка с голым полосатым тюфяком, набитым сухой соломой.

Справа царил организованный хаос чужой, вызывающе роскошной и столь же порочной жизни.

Второй тюфяк был застелен выцветшим бухарским ковром с прожженными дырами. На чугунной печке-буржуйке, гудевшей от слабого пламени, булькал треснувший медный кофейник. Повсюду — на подоконнике, на полу, на единственном колченогом стуле — высились шаткие башни из фолиантов в переплетах из тисненой свиной кожи. На одной из стопок лежала вскрытая тушка болотной совы, закрепленная медными булавками на анатомической доске; рядом с ней валялся скальпель с костяной рукоятью и кофейная чашка тончайшего мейсенского фарфора, до половины наполненная окурками.

На кровати, поджав под себя длинные ноги в узких мужских панталонах для верховой езды, полулежала девушка.

Она была тонкой, угловатой, с короткими, неровно остриженными черными волосами, торчавшими во все стороны, словно вороньи перья. Ее лицо казалось бы совершенно мальчишеским, если бы не хищный изгиб тонких скул и тяжелый, неестественно пристальный взгляд серых, почти бесцветных глаз. Поверх мятой шелковой сорочки на ней был надет мужской вечерний смокинг с оторванными фалдами и бархатными лацканами. Между указательным и средним пальцами ее правой руки тлела тонкая темная папироса.

— Ты не инспектор, — констатировала девушка, выпустив тонкую струйку серого дыма к закопченному потолку. — Инспекторы обычно пахнут мятными леденцами и доносами. От тебя несет торфяным дерьмом, соляркой со стрелочного перевода и мокрым сукном бедняцкого приюта святого Иуды. Ты Клара Вейн.

Клара медленно подошла к свободной койке и опустила на нее свой промокший сверток. Пальцы одеревенели настолько, что развязать узлы казалось невыполнимой задачей.

— А вы, надо полагать, мисс Сибилла Крэйн, — ответила Клара, намеренно подчеркнув холодную дистанцию. — Дочь лорда-попечителя Арчибальда Крэйна. Студентка третьего

курса кафедры токсикологии и противоестественной анатомии. И единственная представительница древнего рода, сосланная в северный барак за попытку отравить супом с белладонной собственного дядю-епископа.

Сибилла не шелохнулась. Уголек папиросы вспыхнул ярче, осветив тонкую паутину чернильных пятен под ее ногтями.

— Епископ выжил, к великому стыду всего факультета фармакопеи, — невозмутимо заметила она. — У старика оказался луженый желудок и врожденный иммунитет к пасленовым. Зато теперь у меня отдельная комната без надзора святош, вид на морг и право препарировать сов, не слушая визгов благочестивых девиц из Южного флигеля. До этой минуты.

Сибилла медленно опустила ноги на пол. На ней не было обуви — лишь толстые шерстяные носки грубой вязки, заправленные в панталоны. Она подошла к буржуйке, подцепила кофейник за ручку грязной тряпкой и плеснула густой, пахнущей цикорием жижи во вторую чашку — щербатую глиняную кружку с отбитой ручкой.

— Пей, — она протянула кружку Кларе, не подходя слишком близко. — Если ты сдохнешь от крупозного воспаления легких на моем тюфяке, санитары сожгут комнату серой, а у меня здесь сохнут таблицы по ядам мандрагоры.

Клара взяла кружку. Горячая глина обожгла онемевшие ладони. Первый глоток отозвался в желудке горечью и спазмом, но тепло медленно, толчками начало расходиться по жилам.

— Почему ты не в Южном крыле, Крэйн? — спросила Клара, глядя прямо в серые глаза соседки. — Даже опальных аристократок не селят в камеры для стипендиатов без особого распоряжения Трибунала.

Сибилла усмехнулась, обнажив острые клыки, и прислонилась бедром к краю стола, скрестив руки на груди.

— Потому что Совет Попечителей не просто наказывает, Вейн. Совет развлекается. Они любят сталкивать в одной банке пауков разной породы. Я — отрезанный ломоть фамилии, знающая слишком много семейных тайн, чтобы отпустить меня в город, но слишком породистая, чтобы тихо свернуть мне шею в подвале. А ты… — Сибилла прищурилась, ее взгляд скользнул к матерчатому свертку на кровати Клары. — Ты — плебейка, которую старый безумец Мерсер сделал своим единственным душеприказчиком в обход законного племянника. Скажи мне, Вейн, Джулиан Торн был очень вежлив, когда ломал двери твоего вагона?

Клара не ответила. Она поставила кружку на подоконник и принялась стягивать с себя пропитанный болотной жижей жакет. Пальцы дрожали от усталости, но движения оставались четкими, экономными.

— Он передавал привет дяде, — бросила Клара. — И просил вернуть долг.

— У Торна нет долгов, — отрезала Сибилла. Ее голос потерял насмешливую леность, став сухим и жестким. — У него есть опись имущества, подлежащего ликвидации. Если он лично выехал на стрелку, значит, в твоем свертке лежит не просто конспект лекций по богословию. Джулиан не марает манжеты ради пустяков. Ради чего он пожертвовал целым паровозом?

— Там рукопись, — Клара аккуратно положила освобожденную от мокрой ветоши тетрадь в кожаном переплете на край своего тюфяка. Кожа была темной, местами потертой до серости, со следами медных застежек, вырванных с мясом. — Записи наблюдений за колокольней. И таблицы циклов Черного озера.

Сибилла сделала шаг вперед. Ее зрачки расширились, поглотив серую радужку. В этом взгляде мелькнул неподдельный, хищный голод исследователя, почуявшего запретное знание.

— Не ври мне, Вейн. Мерсер не наблюдал за колокольней сорок лет. Он замуровал проход на верхний ярус башни в год великого мора, когда шестеро попечителей захлебнулись собственной кровью прямо за обеденным столом. Все знают эту байку. Но никто не знает, почему их часы остановились в одну и ту же секунду.

— Они не остановились, — тихо произнесла Клара, расстегивая манжеты промокшей блузы. — Они пошли назад.

В комнате повисла тяжелая, густая тишина. Ветер за окном с новой силой швырнул в стекло пригоршню ледяной крупы, свинцовые переплеты жалобно зазвенели. Печка издала утробный гул, пламя внутри буржуйки на мгновение окрасилось в мертвенно-зеленоватый цвет.

Сибилла замерла. Огонек ее папиросы задрожал.

— Ты видела часы? — ее голос упал до едва слышного шепота. — Золотой брегет Мерсера? На цепочке Торна?

— Стрелка двигалась против солнца, — подтвердила Клара. — Слишком быстро. Словно механизм пытался смотать прошедшие сутки обратно на пружину.

Сибилла выругалась — грязно, по-матросски, с виртуозной яростью аристократки, выросшей в портовом поместье. Она резко развернулась, метнулась к углу комнаты и сорвала со стены висевший там пыльный гобелен с полуистлевшим изображением святого Георгия.

Под тканью открылась кладка из грубого песчаника. В центре одного из камней виднелась круглая латунная розетка с мелкой сеткой — акустический слуховой раструб переговорной системы, пронизывавшей все здание академии от кабинетов деканата до подвальных карцеров.

Клара напряглась, готовая перехватить нож со стола, но Сибилла не собиралась никого звать.

Схватив с анатомической доски склянку с густым, мутно-желтым варом, Сибилла щедро выплеснула его прямо в латунную сетку. Раздалось шипение, запахло жженым сахаром и серой; густая замазка мгновенно застыла в отверстиях, запечатав мембрану намертво.

— Думаешь, я держу этот угол пустым из любви к сквознякам? — прошипела Сибилла, отирая пальцы о лацкан смокинга. — Стены Северного крыла слушают не хуже наемных ищеек Канцелярии. Каждое слово, сказанное громче вздоха умирающего, к утру ложится на стол инспектора в виде стенограммы. Но теперь у нас есть минут двадцать, пока воск не разъест кислота в трубе.

Она повернулась к Кларе, ее лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени.

— Слушай меня внимательно, сиротка. Если ты рассчитывала отсидеться здесь на казенных харчах, штудируя Аристотеля и получая свои три шиллинга стипендии в неделю, — выбрось эту чушь в помойную яму. Грейстоун — не школа. Это скотобойня с латинским девизом над воротами.

Сибилла подошла вплотную. От нее пахло сырым мясом птицы и холодным страхом — тем особым, вымороженным страхом человека, который заглянул за кулисы кукольного театра и увидел вместо нитей железные цепи.

— Попечительский совет состоит из девяти человек. Мой отец — шестой ключ. Торны держат третий и седьмой. Каждый год они выделяют двенадцать благотворительных мест для нищих самородков из провинции. Бесплатное обучение, форма, кров. Знаешь, сколько стипендиатов выпустилось из академии за последние десять лет?

Клара медленно покачала головой. В глубине души она уже знала ответ, но холодные цифры всегда звучали как приговор.

— Ни одного, — отчеканила Сибилла. — Ни единой живой души, Вейн. К весеннему равноденствию половина из них выбрасывается из окон библиотеки. Другая половина тихо исчезает из списков с диагнозом «острая чахотка» или «меланхолический бред». Их тела даже не возвращают родственникам — их сжигают в печи анатомического театра под предлогом санитарной безопасности. Совету не нужны ученые из трущоб. Совету нужны медиумы с чистой, неиспорченной кровью, чьи фамилии не значатся ни в одной дворянской книге. Вас используют как расходный материал для настройки Резонатора.

— Какого резонатора? — Клара инстинктивно шагнула к кровати, заслонив собой тетрадь Мерсера.

— Того самого, который старик Мерсер пытался заклинить сорок девять лет назад, — Сибилла указала пальцем в пол, прямо сквозь ковер и каменные плиты перекрытия. — Прямо под нами, на глубине сорока футов под фундаментом Северного крыла, находится Старый Склеп. Там сходятся жилы подземных вод Черного озера. Там стоит часовой механизм, построенный еще первыми монахами-алхимиками. Он отсчитывает не время суток, Клара. Он удерживает разлом. А золотой брегет декана — это ключ взвода. Если Торн повернул его вспять… значит, они готовятся к новой Жатве.

Клара молчала. Ее мозг лихорадочно перебирал факты, выстраивая их в жесткую логическую цепочку.

Письмо декана Мерсера, пришедшее в ночлежку три недели назад. Странные приписки на полях официального приглашения: формулы, которые школьный учитель математики назвал бредом сумасшедшего, но которые идеально сходились с геометрическими аномалиями ее собственных снов. Трость Торна. Запотевшие железные маски. И эта тетрадь.

Она протянула руку и сорвала истлевшие кожаные ремешки с переплета.

Тетрадь раскрылась с сухим треском.

Бумага внутри была не белой и не желтой — она имела сероватый, пергаментный оттенок выделанной кожи. Страницы покрывал мелкий, убористый почерк Мерсера: ряды математических матриц перемежались цитатами из апокрифических Евангелий и сложными круговыми диаграммами.

Но Сибилла смотрела не на формулы. Ее палец, испачканный чернилами и совиной кровью, уперся в форзац.

— Смотри, — выдохнула она.

На внутренней стороне обложки был наклеен пожелтевший лист гербовой бумаги — список жильцов комнаты номер двенадцать Северного крыла за последние полвека.

Каждая строчка была выведена одной и той же рукой. Рядом с каждым именем стояла дата заселения, дата выбытия и короткая пометка на латыни:

1884. Эдуард Торп. Изъят. Фаза III.

1892. Кларисса Мортимер. Изъята. Дезинтеграция.

1903. Артур Вэнс. Изъят. Отказ сердца.

1911. Анна де Вальмон. Изъята. Фаза IV.

Список тянулся вниз, имя за именем, дюжина за дюжиной. Все они были стипендиатами. Все они жили в этой узкой щели под стропилами.

И последняя запись, сделанная свежими, еще не выцветшими железно-галловыми чернилами, заставила дыхание Клары перехватить:

1924. Клара Вейн. Назначена.

Но ужас заключался не в ее собственном имени.

Прямо под ее именем, в графе, предназначенной для даты выбытия, стояла запись, сделанная совершенно другим почерком — размашистым, острым, аристократическим почерком Джулиана Торна:

Срок истекает: Канун Дня Всех Святых. Замена подготовлена. Примечание: субъект проявил сопротивление на стрелке. Изъять тетрадь до первого удара колокола.

— Ты видишь дату? — тихо спросила Сибилла, и в ее голосе впервые прорезалась не насмешка, а чистый, неразбавленный лед. — Канун Всех Святых — это завтра в полночь, Вейн. Торн не просто охотился за тобой. Он знал поминутно, когда ты войдешь в эту дверь.

Прежде чем Клара успела ответить, внутри чугунной печки что-то сухо щелкнуло.

Пламя мгновенно погасло, словно его задул невидимый гигантский рот. По комнате пополз мороз — не обычный сквозняк с озера, а противоестественный, космический холод, от которого оконные стекла моментально покрылись толстым слоем белого, игольчатого инея. Вода в кружке на подоконнике затянулась коркой льда с громким хрустом.

В запечатанном воском слуховом раструбе послышался глухой, булькающий звук. Замазка закипела, потекла черными каплями, и сквозь пробитые отверстия донесся не голос.

Это был металлический, размеренный стрекот часового механизма.

Тик. Так. Тик. Так.

Только звук шел с вывернутым наизнанку ритмом: сначала следовал глухой удар молоточка, а затем — нарастающее, звенящее эхо завода пружины.

Время в комнате начало крениться, словно пол уходил из-под ног под углом в сорок пять градусов. Клара ухватилась за железную спинку кровати; металл обжег кожу сухим, ледяным ожогом.

В коридоре за дверью раздались шаги.

Медленные. Тяжелые. Сопровождаемые мерным, неотвратимым стуком эбенового дерева по каменным плитам четвертого яруса.

Стук.

Стук.

Стук.

Звук приближался без спешки. Человек за дверью знал, что коридор заканчивается глухим тупиком, а высота падения из стрельчатых окон гарантирует мгновенную смерть на гранитных зубьях нижнего бастиона.

Шаги замерли прямо перед двенадцатой комнатой.

Сибилла молча метнулась к столу, сжимая в руке тонкий анатомический скальпель, но ее пальцы побелели от напряжения — против того, что стояло в коридоре, сталь была бесполезна.

Под дверь скользнула узкая полоска плотной черной бумаги с золотым обрезом — погребальная карточка попечительского совета.

На ней не было букв. В центре карточки багровой смолой был оттиснут герб: сова, сжимающая в когтях вырванный человеческий глаз.

А затем из-за дубовой панели раздался мягкий, безупречно модулированный голос Джулиана Торна:

— Мисс Вейн. Вы оставили в вагоне свой студенческий билет. Откройте дверь, дитя мое. Если вы откажетесь впустить своего куратора до полуночи, мы будем вынуждены считать комнату незаселенной… и очистить ее серным газом прямо через дымоход.

Латунная ручка двери медленно, с тягучим металлическим скрежетом начала опускаться вниз.

Глава 3. Первая лекция по мертвым языкам

Холодная латунь дверной ручки обожгла ладонь сквозь грубую ткань рукава: Клара не стала ждать, пока штифт замка провернется до упора, и с силой рванула створку на себя.

Джулиан Торн стоял на пороге двенадцатой комнаты с тростью под мышкой и полураскрытым портсигаром из матового серебра в тонких пальцах. Его безупречный фрак из темно-зеленого сукна был смят, бобровый воротник потемнел и свалялся от болотной сырости, а от правого обшлага все еще слабо пахло пригоревшим машинным маслом — последствием их встречи на железнодорожной насыпи. Но в его серых, выцветших до прозрачности глазах не отражалось ни досады, ни спешки. За его спиной, в мутном газовом полумраке коридора, застыли двое надзирателей в глухих цинковых масках. На ремнях через плечо у них висели тяжелые медные цилиндры ручных распылителей, от длинных гибких шлангов которых тянуло удушливой чесночной гарью серного ангидрида.

— Какая несдержанность, мисс Вейн, — произнес Торн, даже не моргнув, когда сквозняк взметнул полы его пальто. — В приличных домах дают возможность постучать трижды.

— В приличных домах не приходят в полночь с фумигационными насадками, мистер Торн, — Клара не отступила ни на дюйм, блокируя плечом узкий дверной проем. — И не угрожают сожжением казенного имущества попечительского совета.

Торн чуть наклонил породистую голову, словно прислушивался к звону фарфора в пустом буфете. Его взгляд скользнул поверх ее макушки, обшаривая убогую клеть: замерзший чайник на буржуйке, вспоротую сову на анатомическом столике, и Сибиллу Крэйн, которая стояла у противоположной стены, небрежно опершись бедром о подоконник и чистя тонким ланцетом ногти на левой руке. Тетрадь Мерсера уже исчезла: Сибилла без малейшей брезгливости затолкала обернутую вощеным полотном рукопись в раздутое брюхо птичьей тушки, прикрыв разрез влажными лоскутами мышечной ткани.

— Сибилла, душа моя, — Торн растянул бескровные губы в подобии светской улыбки. — Твой почтенный батюшка просил передать, что твоя ссылка в Северное крыло продлена на зимний семестр. Он находит, что запах болотного торфа чрезвычайно способствует смирению бунтующей плоти.

— Передай отцу, что я вышлю ему к Рождеству сушеную печень этой совы, — хрипло отозвалась Сибилла, не поднимая глаз от ланцета. — Если, конечно, его подагра позволит ему дожить до праздничного пирога. И забирай своих оловянных истуканов обратно в подвал, Джулиан. От их трубок несет так, словно кто-то сварил в уксусе дохлую кошку.

Торн сухо усмехнулся — этот звук напоминал шелест сухих дубовых листьев под кованым сапогом. Он опустил взгляд на Клару. Между пальцами его левой руки материализовалась узкая карточка из плотного бристольского картона с тисненой золотой каймой и оттиском черной сургучной печати.

— Ваш временный матрикул, мисс Вейн. Канцелярия сочла возможным зарегистрировать ваше прибытие, несмотря на... прискорбный инцидент со стрелочным переводом. Государственные стипендиаты обходятся казне слишком дорого, чтобы списывать их в расход до первой лекции.

Клара протянула руку. Бумага под пальцами оказалась неестественно холодной, словно ее только что вынули из ледника, а чернила, которыми было выведено ее имя, отливали маслянистым пурпуром.

— Первая лекция, — медленно повторила она.

— Восемь утра. Кафедра сравнительной эпиграфики и архаических текстов, — Торн защелкнул серебряный портсигар с отчетливым, звенящим щелчком. — Аудитория Четырнадцати Мучеников в цокольном ярусе. Поскольку деканское кресло временно пустует ввиду

прискорбного... отсутствия профессора Мерсера, вести вводный семинар поручено мне. Совет желает лично убедиться, что бристольские архивы научили вас чему-то более полезному, чем подметание книжной пыли.

— А если выяснится, что нет? — спросила Клара, глядя прямо в точку между его тонкими бровями.

Торн шагнул назад, растворяясь в клубящемся тумане галереи. Надзиратели с медными баллонами синхронно повернулись, их цинковые морды тускло блеснули в свете далекого керосинового фонаря.

— Тогда до полудня вы освободите казенную койку, мисс Вейн. А дорогу через Черные Топи вам придется искать пешком. Без компаса, без сухого пайка и без права приближаться к почтовому тракту. Университет не держит балласта. Спокойной ночи. И постарайтесь не проспать заутреню: колокол звонит лишь один раз.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась. Снаружи мерно, удаляясь, застучала эбеновая трость.

Стук.

Стук.

Стук.

~ ~ ~

Комната пахла формалином, горелым кофейным осадком и тем острым, металлическим духом близкой опасности, который заставляет волоски на предплечьях вставать дыбом.

Сибилла не стала ждать, пока шаги Торна стихнут на винтовой лестнице. Одним резким движением она выдернула ланцет из столешницы, подошла к анатомической доске и погрузила два пальца внутрь вспоротой совиной тушки. Раздался влажный, чавкающий звук. На выскобленный сосновый стол лег серый сверток, испачканный бурой сукровицей и желчью.

— Торн блефует редко, — Сибилла вытерла пальцы о край засаленного платка, бросив на Клару косой, оценивающий взгляд. — Если он лично берется за вступительный коллоквиум по эпиграфике, значит, приказ об исключении уже лежит на столе деканата с готовой подписью. Ему нужен лишь формальный повод. Труп стипендиата, найденный в канаве за пределами университетской черты, не вызывает вопросов у коронерского суда. Спишут на бродяг или болотный угар.

Клара осторожно развернула вощеное полотно. Кожаный переплет дневника Мерсера не пострадал: желчь лишь слегка размягчила углы старого сафьяна. Она придвинула керосиновую коптилку ближе, чувствуя, как комнатная сырость пробирается под шерстяную ткань юбки, оседая на щиколотках липким холодом.

— Что читают на первой лекции? — спросила Клара, листая страницы, покрытые столбцами математических выкладок и выцветшими латинскими цитатами. — Архитектуру синтаксиса древнего Карфагена? Доэллинские вотивные надписи?

Сибилла глухо, безрадостно фыркнула, закуривая очередную папиросу с гвоздичным табаком. Огонек озарил ее острые, почти птичьи скулы и темные круги вокруг серых глаз.

— В Грейстоуне нет «сравнительной эпиграфики», наивная ты провинциалка. Здесь это эвфемизм. Торн заставит вас читать *Ars Tacita* — язык Первого Договора. Плиты, которые выкапывают из фундамента под Черным озером.

— И в чем ловушка? — Клара подняла глаза. — В грамматике? В фонетике? Я разбирала клинописные таблички шестого века до нашей эры в Бристольском городском музее. Если есть билингва или хотя бы корневой конкорданс...

— Ловушка в твоих собственных легких, Вейн, — оборвала ее Сибилла, выпустив струю сизого дыма прямо в раскрытый дневник. — Этот язык не был предназначен для человеческой

гортани. Его гласные выстроены так, чтобы входить в акустический резонанс с базальтовой породой, на которой стоит академия. Когда первокурсник пытается озвучить третью строку текста без постановки диафрагмального замка, у него лопаются капилляры в носоглотке. На четвертой строке начинается спазм голосовых связок и отек гортани. К концу первого абзаца соискатель либо падает в обморок от кислородного голодания, либо заливает кафедру собственной кровью. После чего Торн меланхолично констатирует «недостаточность голосового аппарата» и выставляет бедолагу за ворота с волчьим билетом.

Клара замерла. Ее пальцы застыли на плотной бумаге дневника. В голове щелкнуло, сопоставляя разрозненные куски головоломки.

Формулы Мерсера. Те самые матрицы, которые она приняла в поезде за шифр Тритемия. Ряды цифр: *7 — 14 — 2 — 19*. Они не обозначали смещение букв алфавита. Они обозначали интервалы дыхания.

— Это не шифр, — прошептала Клара, и пальцы ее быстро побежали по краю страницы, нащупывая мелкие насечки, оставленные циркулем декана. — Это партитура.

Сибилла застыла с папиросой у губ. Серая пепельная стрелка дрогнула и упала на стол.

— Что ты сказала?

— Мерсер не кодировал смысл, — Клара пододвинула дневник к мерцающему фитилю. — Он фиксировал гармонические узлы. Взгляни на шаг: семь долей вдоха, четырнадцать секунд задержки на сомкнутых голосовых щелях, выдох через носовой резонатор на звуке «th». Он читал эти тексты не связной речью, а стаккато! Он разбивал резонансную волну камня до того, как она успевала отразиться от сводов зала и ударить по барабанным перепонкам!

Сибилла наклонилась вперед. Запах дешевого гвоздичного табака смешался с серным духом замазки на стене. Девушка жадно вглядывалась в колонки цифр, и в глубине ее зрачков вспыхнул хищный, почти безумный огонь исследователя.

— Мерсер знал, что его уберут, — процедила она сквозь зубы. — Он готовил ключ для того, кто займет двенадцатую комнату. Но у тебя всего четыре часа до рассвета, Вейн. Если ты собьешься хотя бы на полтакта, твоя кровь будет сохнуть на плитах Четырнадцати Мучеников точно так же, как кровь тех семерых стипендиатов, чьи имена ты видела в списке.

— Тогда поставь еще кофе, Крэйн, — Клара достала из кармана стальное чертежное перо и огрызок грифеля. — И покажи мне, где в этом склепе берут чистую промокательную бумагу. Спать мы сегодня не будем.

~ ~ ~

В шесть утра колокол Часовни Кающихся ударил над замком.

Это не был звон церковной меди — низкий, утробный, металлический гул шел откуда-то из-под земли, отдаваясь мелкой вибрацией в подошвах сапог и заставляя зубы ныть тупой болью. Казалось, сама толща гранита под фундаментами переворачивалась во сне.

Клара шла по галерее третьего яруса, кутаясь в казенный серый палантин из грубой, колючей шерсти. Утренний туман, вползавший в незастекленные стрельчатые проемы, пах гнилыми озерными водорослями, сырым известняком и угольным дымом из котельных нижнего уровня. На стенах сквозь мох проступали барельефы: ангелы с отбитыми крыльями и монахи с выскобленными лицами, склонившиеся над раскрытыми книгами без единой строчки текста.

В узких переходах Северного крыла попадались другие студенты. Они двигались бесшумно, точно тени в католической крипте. Юноши и девушки в тяжелых суконных мантиях благородного бутылочного и черного цветов держались сомкнутыми группами по трое-четверо. На их запястьях тускло поблескивали серебряные звенья цепочек, на лацканах темнели гербовые булавки: перекрещенные циркули, серебряные весы, совиные перья. Они не переговаривались. Лишь холодные, надменные взгляды скользили по ее стоптанным башмакам и штопаному подолу — взгляды людей, для которых стипендиатка была досадным пятном плесени на безупречном фамильном мраморе.

У подножия винтовой лестницы, ведущей в цоколь, жался худой юноша в очках с треснувшим стеклом, замотанным вощеной суровой ниткой. Его руки в вязаных митенках судорожно сжимали толстую тетрадь в сером коленкоре, а узкие плечи мелко подрагивали под слишком широкой, явно чужой шинелью.

— Вы... вы тоже на курс сравнительной эпиграфики? — голос его сорвался на сиплый фальцет, когда Клара поравнялась с ним. От парня пахло дешевым мылом и карболкой.

— Клара Вейн. Натурфилософия, — отозвалась она, замедляя шаг.

— Эзра. Эзра Финч, — он торопливо поправил очки, оставив на переносице чернильный след. — Стипендия гильдии переплетчиков Лидса. Вы слышали, что говорят о Торне? Староста с третьего курса шепнул мне у умывальника: в прошлом семестре с его вводного коллоквиума увезли двоих. Прямо в закрытое отделение для умалишенных в Карфасе. Говорят, они забыли собственный язык и только выли по ночам, как собаки на цепи...

— Держи язык за зубами, Финч, — негромко, но жестко произнесла Клара, спускаясь на ступень ниже. — Страх сужает гортань. Если пережмешь трахею до того, как назовут твое имя, Торну даже не придется задавать вопросы.

Они вышли в нижнюю ротонду.

Аудитория Четырнадцати Мучеников не походила на университетский лекционный зал. Она напоминала анатомический театр, вырубленный прямо в черном базальтовом монолите утеса на глубине сорока футов под уровнем озера. Круглые каменные ярусы круто уходили вверх, исчезая в клубящейся под куполом тьме, где лишь изредка подрагивали огоньки газовых рожков в форме человеческих кистей, сжимающих фитили. В самом центре круглой арены стояла массивная кафедра из растрескавшегося красного порфира. Над ней на стальном тросе толщиной в человеческую руку покачивался гигантский бронзовый маятник Фуко.

Он двигался без единого звука. Его тяжелое полутонное лезвие рассекало спертый воздух с глухим, низким свистом, отмеряя секунды с той пугающей точностью, какая бывает лишь у гильотинных механизмов.

Студенты старших курсов и привилегированные первокурсники уже заняли верхние скамьи, расположившись полукругом, словно зрители в римском цирке. В воздухе стоял тонкий аромат лавандовой помады, дорогого турецкого табака и сырого каменного угля. Сибилла сидела на самом дальнем, темном уступе под балкой перекрытия, закинув ногу на ногу и прислонив затылок к замшелой стене; тонкая струйка гвоздичного дыма вилась из ее пальцев в нарушение всех мыслимых правил устава, но дежурные надзиратели в масках делали вид, что не замечают ее присутствия.

Ровно в восемь утра дверь бокового нефа отворилась.

Джулиан Торн вошел твердым, выверенным шагом. На нем была черная профессорская мантия из тяжелого шерстяного бархата, отороченная серым горностаем. Руки в перчатках из тончайшей лайки покоились на набалдашнике эбеновой трости. Следом за ним двое служителей в серых парусиновых балахонах внесли на арену низкий дубовый столик, на котором покоилась массивная бронзовая плита размером с могильный камень, сплошь покрытая зеленоватой патиной и глубокими клиновидными насечками.

Гул на ярусах мгновенно стих. Остался лишь мерный, гипнотический свист бронзового маятника:

Вжих. Вжих. Вжих.

— Господа, — Торн поднялся на три ступени порфировой кафедры, окинув амфитеатр холодным, препарирующим взором. — И те немногие, кто присутствует здесь по недосмотру благотворительных комиссий. Университет Грейстоун существует не для того, чтобы учить вас риторике или поить чаем за счет короны. Наш единственный предмет — Власть. Власть слова над материей, разума над энтропией, высшей расы над глиной.

Он снял перчатки, обнажив бледные пальцы с тяжелым перстнем Ордена Архитекторов.

— Мертвые языки не умирают. Они засыпают, подобно ядовитым гадюкам под зимним снегом. Тот, кто пытается разбудить их профанным бормотанием, заслуживает лишь одного — быть ужаленным насмерть. Перед вами фрагмент так называемой Стеллы Основания, извлеченной со дна восточной шахты в год Чумного бунта. Текст датируется эпохой до Первого Раскола. Мы начнем проверку с тех, чье право находиться в этих стенах требует... ежечасного подтверждения.

Торн раскрыл кожаный формуляр и провел ногтем по первой строке.

— Мистер Эзра Финч. Прошу вас к плите.

Эзра вздрогнул так, словно его стегнули мокрым канатом по обнаженной спине. Его очки съехали на кончик носа. Спотыкаясь о полы собственной шинели, он спустился по крутым ступеням яруса на каменный круг арены. Тень от гигантского маятника мазнула по его тощей фигуре, на мгновение накрыв с головой.

— Третий регистр, шестая строка снизу, — голос Торна звучал скучающе, почти лениво. — Транскрипция и прямой перевод с сохранением сакрального падежа. Начинайте, мистер Финч.

Эзра наклонился над позеленевшим металлом. Его губы беззвучно зашевелились. Клара видела с четвертого ряда, как побелели костяшки его пальцев, вцепившихся в край дубового стола.

— *«Ка-рах... т-тэ... нум...»* — выдавил он первый слог.

Звук вышел плоским, дребезжащим, полным губительного провинциального придыхания.

Воздух в аудитории будто мгновенно сгустился. Тяжелый маятник над головой мальчика качнулся, и Клара физически ощутила, как акустическая волна ударила в базальтовую чашу зала. От стен отразился низкий, дрожащий обертон, похожий на гудение растревоженного осиного гнезда.

— *«О-ор... ма... кх-х...»* — Эзра дернул шеей, словно воротник рубашки внезапно превратился в удавку.

Его голос сорвался на хрип. Глаза за мутными стеклами очков расширились от дикого, нечеловеческого ужаса. Он попытался сделать вдох, но судорога свела гортань: из правой ноздри юноши на зеленоватую бронзу плиты медленно поползла густая струйка темной крови. Он захрипел, скребя ногтями полированное дерево стола, колени его подогнулись, и он рухнул на каменные плиты, забившись в беззвучном конвульсивном припадке.

На верхних рядах кто-то из аристократов брезгливо прижал к носу надушенный платок. Ни один человек не шелохнулся, чтобы помочь.

— Недостаточный объем легких и полное отсутствие артикуляционной дисциплины, — бесстрастно констатировал Торн, даже не взглянув на бьющегося в судорогах первокурсника. Он сделал легкий жест рукой в сторону надзирателей в масках. — Санитары. В лазарет нижнего яруса. Оформить отчисление по состоянию здоровья к полудню.

Двое служителей подхватили обмякшее тело Финча под мышки и заволокли в темный проем бокового туннеля. Кровавый след на полу остался блестеть в свете газовых рожков.

Торн обмакнул стальное перо в стоящую на пюпитре чернильницу и вычеркнул строчку в формуляре.

— Жаль. Бристольская гильдия потеряла сорок фунтов залога. Продолжим. Мисс Клара Вейн.

~ ~ ~

В аудитории повисла мертвая, осязаемая тишина, нарушаемая лишь размеренным свистом маятника:

Вжих. Вжих.

Клара поднялась со своего места. Мышцы спины одеревенели, но шаг был твердым, размеренным. Спускаясь по каменным уступам, она не смотрела ни на Торна, ни на старшекурсников, застывших в предвкушении новой кровавой забавы. Ее взгляд был прикован к траектории стального троса под потолком.

Семь долей. Задержка. Выдох.

Она встала перед дубовым столом. От плиты тянуло древним, могильным холодом — запахом речной тины, окисленной меди и той неуловимой горечи, какую оставляет на языке разряд лейденской банки. Капли крови несчастного Финча уже свернулись на металле черными оспинами.

— Тот же фрагмент, мисс Вейн, — Торн оперся обеими руками на набалдашник трости, подавшись вперед. В его серых глазах застыло жесткое, хищное ожидание. — Или вы предпочтете признать поражение прямо сейчас и сэкономить университетский ланцет?

Клара опустила глаза на бронзу.

Знаки не были буквами. Это были клинообразные лигатуры, переплетенные в сложные геометрические узлы — те самые, которые старик Мерсер расчерчивал на полях своего ночного дневника. Она увидела ловушку мгновенно: в третьем регистре подряд шли три глухих взрывных согласных, которые при классическом чтении неизбежно вызывали смыкание голосовой щели и разрыв легочных альвеол под обратным давлением акустического эха.

Торн ждал ее крика. Он ждал, когда она задохнется собственной кровью.

Клара глубоко втянула воздух — не грудью, а нижней частью живота, как учила партитура покойного декана. Диафрагма натянулась, превращаясь в жесткий барабан.

Она дождалась, пока маятник дойдет до верхней точки траектории и на долю секунды замрет перед обратным падением.

И заговорила.

Звук, вырвавшийся из ее губ, не был похож на человеческую речь. Это был гортанный, вибрирующий щелчок, сменившийся низким, раскатистым гулом, лишенным гласных призвуков.

— *K’r-r-t... ash-sh... nem-dah.*

Маятник над ее головой качнулся вниз, но рассекаемый им воздух не породил свиста: звуковая волна ее голоса ударила в противофазе, рассекая резонансный контур зала. Клара не читала слова слитно. Она следовала ритму цифр: *семь долей — задержка — резкий гортанный толчок*.

Базальтовые плиты под ее сапогами слабо дрогнули. Пламя в газовых рожках присело, окрасившись в мертвенно-бирюзовый цвет.

— *V’t-hor... s’khelem... de-umbris...*

Слова падали в тишину зала, как тяжелые свинцовые капли на наковальню. Воздух в легких жег огнем, основание языка свело острой, режущей судорогой, но Клара удерживала внутренний замок, не позволяя звуку подняться в носоглотку. Она чувствовала, как по виску ползет горячая струйка пота, но перед глазами стояли не лица студентов, а мелкие, убористые строчки Мерсера: *«Камень не пьет воду. Камень требует кость»*.

Она дошла до шестой строки — той самой, на которой сломался Эзра.

В тексте стоял запретный узел: глиф Совы, сжимающей сломанный ключ. Клара не стала произносить его фонетический эквивалент, навязанный попечительскими схоластами. Она использовала найденную ночью поправку — корневую замену на додиалектном шумерском наречии:

— *...In-kar-nash!*

Глухой удар сотряс аудиторию.

Один из стеклянных плафонов на верхнем ярусе лопнул с хрустальным звоном, осыпав плечи студентов мелким дождем осколков. Бронзовый маятник дернулся на тросе, сбился с

векового круга и застыл, накренившись под углом, словно его перехватила в воздухе невидимая гигантская рука.

Наступила тишина. Абсолютная. Звенящая. Настолько плотная, что было слышно, как в дальнем углу тлеет папироса Сибиллы Крэйн.

Клара медленно выдохнула остатки воздуха через нос, отирая тыльной стороной ладони холодный пот со лба. Ее горло саднило, во рту стоял отчетливый привкус жженого железа, но дыхание оставалось ровным.

Она подняла глаза на кафедру.

Джулиан Торн больше не улыбался. Его бескровное лицо казалось высеченным из того же серого гипса, что и маски надзирателей. Пальцы, сжимавшие эбеновую трость, побелели так, что сквозь кожу проступили синие узлы вен.

— Перевод, — выдавил он. Голос куратора потерял свою бархатную певучесть, став плоским и сухим, как наждак. — Вы не озвучили смысловую часть, мисс Вейн.

Клара шагнула ближе к плите, глядя ему прямо в зрачки.

— Текст не содержит славословия основателям, мистер Торн. Ваша официальная хрестоматия лжет. Здесь сказано: *«Не владыки запечатали бездну своим словом. Бездна выкупила их молчание шестью головами соискателей в каждый третий лунный цикл. И тот, кто держит седьмой ключ, сам сидит на цепи у дверного порога»*.

По амфитеатру прокатился сдавленный, испуганный вздох. Несколько старшекурсников судорожно вскочили со своих мест, глядя на трибуну с ужасом, граничащим с паникой. Произнести подобное вслух в стенах академии приравнивалось к государственной измене.

Торн медленно опустил руки. Его грудь тяжело вздымалась под бархатом мантии. Он молчал целых десять секунд — бесконечных, вязких секунд, за которые маятник Фуко так и не шелохнулся, оставаясь висеть в мертвой точке.

Затем его губы снова растянулись в узкую, смертоносную полоску.

— Блестяще, мисс Вейн, — произнес он с ледяной, убийственной вежливостью. — Поистине... выдающийся результат для дочери бристольского ремесленника. Деканат вынужден признать вашу аттестацию по первому разряду.

Он достал из складок мантии золотое перо и размашисто расписался на пожелтевшем листе ее матрикула.

— Однако столь глубокое проникновение в суть древних клятв налагает на студента особые обязательства. Академия ценит таланты. И поручает им работу, соответствующую их... редким способностям.

Торн сошел с кафедры, приблизившись к дубовому столику вплотную. От него пахло горьким миндалем, сырым снегом и застарелым похоронным воском.

— Сегодня в полночь закрываются решетки Нижних Крипт под Черным озером перед началом недели Инициации. По правилам Устава, эта стела должна занять свое место в алтарной нише Святилища Семи. До сих пор эту обязанность исполнял декан Мерсер лично. Поскольку вы столь виртуозно овладели его... манерой чтения, Совет Попечителей поручает эту миссию вам.

Клара почувствовала, как мышцы спины снова свело напряжением.

— Спуск в крипту первокурсникам запрещен параграфом сороковым.

— Для вас Совет сделал исключение, дитя мое, — Торн мягко, почти ласково подтолкнул тяжелую бронзовую плиту к краю стола. — Вы спуститесь в катакомбы одна. Ровно в полночь. Доставите плиту к железным вратам, прочтете реверсивную формулу запечатывания и вернетесь с клеймом привратника. Если к первому утреннему колоколу вы не подниметесь на поверхность... мы сочтем, что бездна приняла плату, о которой вы так выразительно нам поведали.

Он повернулся и, не оглядываясь, направился к выходу из амфитеатра. Дверь нефа захлопнулась за ним с тяжелым, погребальным звоном.

Студенты на ярусах начали торопливо, в гробовом молчании расходиться, избегая даже смотреть в сторону арены. Они обходили Клару так, словно вокруг нее уже клубился чумной туман. Лишь Сибилла Крэйн на верхнем ярусе медленно поднялась, затушила папиросу о каменную кладку и отрицательно покачала головой, глядя Кларе прямо в глаза. Этот жест означал одно: *ты покойник*.

Клара осталась одна посреди гигантского базальтового колодца.

Она опустила ладони на холодную бронзовую поверхность плиты, собираясь сдвинуть ее, чтобы перевязать ремнями для переноски. Пальцы соскользнули на обратную, неочищенную сторону металла, покрытую толстым слоем черной вековой копоти.

Под подушечками пальцев что-то царапнуло кожу.

Клара замерла. Наклонившись ниже, она заслонила собой свет рожка и провела рукавом по тыльной стороне стелы, счищая нагар.

Там были вырезаны буквы.

Свежие. Острые. Процарапанные по металлу стальным закаленным резцом совсем недавно — возможно, всего несколько часов назад, пока она зубрила матрицы в двенадцатой комнате:

«Клара Вейн. Седьмой сосуд. Срок созревания — полночь 31 октября».

Но ужас заключался не в словах.

Прямо под ее фамилией металл плиты был глубоко, уродливо пробит насквозь четырьмя круглыми отверстиями, из которых медленно, толчками сочилась темная, пахнущая медью и болотным илом жидкость.

Это была не вода из озера.

Бронза истекала свежей, еще теплой человеческой кровью, и прямо на глазах Клары багровые капли начали складываться на черном камне пола в короткое, аккуратно выведенное слово на верхненемецком:

«БЕГИ».

Глава 4. Правила после полуночи

Запах свернувшейся крови напоминал мокрые медные пенни, забытые на дне оловянной кружки.

Клара не отдернула руку. Если бы она позволила себе слабость шарахнуться в сторону, испачканный подол форменной шерстяной юбки непременно задел бы одну из лужиц, а прачки в цокольном крыле брали по два гроша за выведение органических пятен и без лишних вопросов доносили старшей надзирательнице о любых следах темнее чернильного орешка.

Она медленно опустилась на одно колено, чувствуя, как ледяной холод черного базальта немедленно пробивает плотную ткань чулок. Пальцы левой руки — той, где ноготь указательного был стесан еще на прошлой неделе во время калибровки латунных шестерен, — осторожно коснулись свежей борозды на бронзе.

Металл был распорот изнутри наружу. Края четырех круглых пробоин вздулись рваными венчиками, словно плиту пробили коваными гвоздями чудовищной толщины, но выбитые стержни не упали на пол. Их не было вовсе. А из темных зевов с тихим, едва слышным сипом продолжала сочиться густая влага, толчками падавшая на камень.

«БЕГИ».

Слово на верхненемецком уже теряло глянец. Базальтовая плита пола, изъеденная вековой селитрой и сыростью подземных ключей, жадно пила человеческую кровь, превращая аккуратные штрихи букв в бесформенные бурые струпья.

Клара достала из кармана жилета серый хлопковый платок — грубый, казенный, с вытканной синей нитью литерой «В» — и промокнула металл возле собственного вырезанного имени. Шершавая бронза отозвалась низким, вибрирующим гулом, отозвавшимся в зубах.

«Седьмой сосуд. Срок созревания — полночь 31 октября».

До тридцать первого октября оставалось три недели. Но приказ магистра Брандта был недвусмысленным: катакомбы, железные врата, полночь. Сегодня. До полуночи оставалось меньше двух часов, и если декан отсылает ее в бездну за двадцать суток до назначенного «созревания», значит, расписание изменилось. Или кто-то решил собрать жатву до того, как плод успеет набраться яда.

— Ты стоишь над ней так, будто прикидываешь, сколько за эту медь дадут старьевщики на Нижнем канале.

Голос упал сверху — ленивый, сухой, надтреснутый от дешевого табака.

Клара не вздрогнула. Она знала, что на галерее кто-то остался: запах папирос «Самос», заправленных терпким виргинским листом с примесью гвоздики, невозможно было выветрить из нефа даже сквознякам из вентиляционных шахт.

Сибилла Крэйн стояла у резного парапета четвертого яруса, опершись локтями на выщербленный песчаник. Ее форменный суконный редингот с серебряными пуговицами Патрицианского сословия был расстегнут, обнажая шелковую манишку цвета сырого теста. В тонких пальцах, унизанных траурными кольцами с черной эмалью, дымился мундштук из вишневого дерева.

— Старьевщики не берут вещи с клеймом Академии, Крэйн, — спокойно ответила Клара, поднимаясь с колен и пряча испачканный платок обратно в складки жилета. — За владение храмовой бронзой в этом городе вешают без суда у Чайных складов. Ты поднялась сюда, чтобы насладиться моим некрологом, или у тебя кончились спички?

Сибилла спустилась на три ступени. Движения ее были плавными, почти сонными, как у сытой гончей, которую выпустили на псарню размять суставы. На бледном, породистом лице с высокими скулами и вечно припухшими веками блуждала усмешка человека, знающего расписание казней на неделю вперед.

— Спички у меня есть. А вот у тебя, Вейн, кончилось время. Ровно в тот момент, когда ты решила блеснуть эрудицией перед стариком Брандтом и оспорить его классификацию реверсивных печатей. Ты круглая дура. Блестящая, набитая латынью и звездными картами, но непроходимая дура со стипендиального дна.

— Брандт ошибся в третьем склонении лемурийского диалекта, — отрезала Клара, подходя к подножию винтовой лестницы. — Если бы я промолчала, плита треснула бы при первом же резонансе.

— Плита и должна была треснуть, идиотка, — Сибилла выпустила тонкую струйку серого дыма через ноздри, и тот лениво поплыл к сводам, смешиваясь с гарью потушенных газовых рожков. — Она была стабилизатором. А теперь на ней твое имя. Ты хоть понимаешь, чьей кровью она истекает?

Клара замерла у перил. Пальцы нащупали шершавый чугун.

— Просвети меня. Ты ведь у нас дочь попечителя. Твой драгоценный батюшка заседает в Совете Семи Свечей и наверняка оплачивает каждую каплю этой дряни из своих колониальных доходов.

Усмешка сползла с лица Сибиллы. Глаза — мутно-серые, цвета балтийского льда в оттепель — сузились. Она зажала папиросу в углу рта, перемахнула через низкое ограждение и спрыгнула на плиты арены с грацией кошки, лишь глухо щелкнув наборными каблуками сапог из юфти.

— Не произноси вслух название Совета в этом колодце, если не хочешь, чтобы твой язык вырвали щипцами еще до того, как часы на башне пробьют одиннадцать, — прошептала Сибилла, подойдя вплотную. От нее пахло табаком, дорогим лавандовым мылом и холодным, металлическим страхом. — Это кровь Мартина Готье.

Клара почувствовала, как во рту пересохло. Словно на язык бросили щепоть жженой извести.

— Готье перевелся в Геттинген. Деканат зачитал уведомление в прошлый вторник.

— Готье не доехал даже до южной таможни, — Сибилла указала кончиком тлеющей папиросы на четыре круглые дыры в бронзе. — Его карету перехватили у Чертова моста. Его личные вещи вчера сожгли в печах пекарни, а сердце... ну, судя по вязкости этой жижи, сердце Мартина прямо сейчас перегоняют через автоклав в анатомическом театре под седьмым нефом. Он был Шестым сосудом, Клара. И он не выдержал октавы. Он лопнул, как перекачанный свиной пузырь.

В тишине амфитеатра послышался далекий, протяжный скрип — где-то в недрах главного корпуса сторож натягивал тросы башенных курантов, готовя механизм к ночному циклу. Каждые сутки в десять вечера Академия переходила на осадное положение. В одиннадцать запирались чугунные ставни нижних галерей. А в полночь вступали в силу правила, о которых не писали в уставе, выдаваемом первокурсникам в тисненом коленкоровом переплете.

— Почему я? — спросила Клара. Ее голос прозвучал ровно, без единой трещины, хотя внутри все сжалось в тугой, твердый узел. — В коллегии сотни стипендиатов. Десятки тех, у кого нет влиятельной родни за воротами.

— Потому что у тебя аномальный резонанс по третьей октаве, — Сибилла сплюнула табачную крошку на базальт. — И потому что твой отец, прежде чем пустить себе пулю в лоб в своей часовой мастерской в Альтоне, оставил Совету вексель на тридцать тысяч талеров. Ты думала, тебя приняли сюда за красивый почерк и знание древневерхненемецкого? Тебя купили с молотка вместе с верстаками и недоделанными хронометрами твоего старика. Ты залог, Клара. Одушевленный залог под процент, который Совет начислил сам себе.

Клара молчала. Слова Сибиллы не причинили боли — они лишь встали на свои места, как зубцы в заводном барабане сложного механизма. Многое стало пугающе ясным: и бесплатная комната на чердаке с видом на чугунные флюгеры, и доступ к закрытым фондам универси-

тетской библиотеки, и то странное, липкое внимание, с которым префект Брандт разглядывал форму ее черепа на вводной лекции по физиогномике.

Она была не студенткой. Она была породистым скотом, выставленным в стойло на откорм.

— Брандт дал мне задание, — негромко произнесла Клара, глядя прямо в серые глаза Сибиллы. — Спуститься в катакомбы. Доставить плиту к железным вратам. Прочесть реверсивную формулу запечатывания. И вернуться с клеймом привратника.

Сибилла издала короткий, лающий смешок, больше похожий на кашель.

— Формулу запечатывания? Ту самую, что записана на выбеленной телячьей коже чернилами из дубовых галлов?

— Да. Свиток у меня в сумке.

— Можешь подтереться им прямо сейчас. Или сжечь — по крайней мере согреешь пальцы перед тем, как сдохнуть. Эта формула не запечатывает врата, дура. Это похоронная молитва на диалекте черных доминиканцев. Реверсивный заговор выпивает воздух из легких читающего на седьмом слове. Когда ты дойдешь до фразы *«In pulvere mortis me dedisti»*, твои альвеолы слипнутся, а диафрагма разорвется от спазма. Ты упадешь у решетки, а привратнику останется только зацепить тебя багром за нижнюю челюсть и затащить внутрь. Вот тебе и «клеймо».

Клара медленно выдохнула. Запах сырости и крови больше не казался тошнотворным. Он стал привычным, рабочим фоном. Так пахло в отцовской мастерской, когда трескался горн с едкой кислотой для травления пружин: опасность, требующая не истерики, а выверенных движений и толстых кожаных перчаток.

— Ты здесь не для того, чтобы меня оплакивать, Крэйн, — Клара сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до полуметра. — Ты презираешь стипендиатов. Ты три недели демонстративно отсаживалась от меня на семинарах по теургии. Но сейчас ты торчишь здесь, рискуя попасться ночному патрулю. Чего ты хочешь?

Сибилла посмотрела на догорающую папиросу, затем бросила окурок под ноги и методично раздавила его носком сапога, втирая пепел в бурое пятно крови Готье.

— Мартин был моим кузеном, — тихо сказала она. Тон ее изменился — в нем прорезалась глухая, вибрирующая злость, которую не могли скрыть никакие аристократические ужимки. — Совет обещал отцу, что семья получит его обратно живым после третьей инициации. Но они заигрались. Они открыли штольню глубже, чем позволяли протоколы тринадцатого года. И если ты сегодня спустишься и сдохнешь там, как покорная овца, следующим Сосудом назначат меня. Список составлен по старшинству долгов, а у моего родителя в этом месяце сгорели три чайных клипера в Малаккском проливе.

Они стояли посреди мертвого амфитеатра, глядя друг на друга. Две девушки в темно-синем сукне закрытой академии: дочь разорившегося часовщика-самоубийцы и наследница угасающего патрицианского рода, чье богатство трещало по швам под тяжестью скрытых закладных.

— Значит, мы обе в долговой яме, — подытожила Клара. — Каков твой план?

— Мой план — не дать тебе сдохнуть раньше времени, — отрезала Сибилла. — До полуночи сорок минут. Нам нужен настоящий текст запечатывания. Не та фальшивка, которую тебе подсунул Брандт, а подлинный манускрипт аббата Вольфрама.

— Он хранится в Секретной курии, — Клара покачала головой. — Туда не пролезет даже крыса. Замки на дубовых дверях зачарованы на кровь декана.

— Замки на дверях — да. Но Брандт не держит рабочий список в Курии. Он старый маразматик, страдающий подагрой и паранойей. Он переписал канон своей рукой и держит его в кабинете препаратора при анатомическом театре. Прямо над автоклавом, где сейчас варят кости бедняги Готье.

— А привратник? — Клара прищурилась. — Даже если у меня будет правильный текст, врата заперты. Чем я расплачусь за вход?

Сибилла полезла в глубокий карман редингота и извлекла тяжелый предмет, завернутый в промасленную тряпицу. Развернув край, она показала Кларе круглую пластину темного, тускло мерцающего серебра размером с ладонь. На ее поверхности был выбит оскаленный волчий череп с замочной скважиной вместо левой глазницы.

— Это талер Харона. Личный пропуск надзирателя нижних горизонтов. Я сняла его с сюртука Готье, когда его вещи несли в крематорий. Дежурный служка отвлекся на звон разбитой склянки с карболкой.

— Ты украла его у Совета? — брови Клары поползли вверх.

— Я одолжила его у покойника. Ему он больше не понадобится. Но есть условие, Вейн.

— Какое?

— Ты возьмешь меня с собой до внешнего шлюза. Дальше ты пойдешь одна — меня катакомбы сожрут за секунду, у меня нет твоей чертовой нечувствительности к тяжелому эфиру. Но ты принесешь мне оттуда одну вещь. Записную книжку Мартина. Он зашил ее в подкладку своего дорожного жилета перед тем, как его поволокли вниз. Там имена тех членов Совета, кто голосовал за вскрытие тринадцатой штольни.

Клара посмотрела на серебряную пластину. Металл казался неестественно холодным — воздух вокруг него подрагивал, словно от тлеющего куска сухого льда.

— По рукам, Крэйн. Но сначала — кабинет препаратора.

~ ~ ~

Правила после полуночи в Академии Валленштейн начинались не с двенадцатого удара часов, а с того момента, когда дежурный каноник гасил последний фонарь на Западном мосту.

Тьма в коридорах четвертого крыла была не просто отсутствием света; она обладала весом, плотностью и запахом. Пахло мокрой штукатуркой, мышьяком, которым пропитывали чучела птиц в зоологическом кабинете, и застарелым духом лампадного масла.

Клара и Сибилла двигались вдоль стены цокольного яруса, ступая след в след по узкой ковровой дорожке, заглушавшей шаги. Здесь действовало Первое Ночное Правило: *никогда не касаться обнаженного камня пола*. После гашения огней плиты коридоров посыпали тончайшей пудрой из толченого стекла и костяной муки — так цензоры выслеживали ночных беглецов. Малейший шорох выдавал нарушителя, а белые отпечатки на подметках служили неопровержимым доказательством для карцера.

Впереди, на повороте к вивашечной галерее, блеснул тусклый желтый отсвет.

Сибилла резко впечатала ладонь в плечо Клары, вжимая ее в глубокую нишу, где стоял пыльный алебастровый бюст кардинала Борромео. Девушки замерли, почти не дыша.

Мимо ниши, не касаясь пола, бесшумно скользнул Цензор.

Это был человек — или то, что когда-то было человеком, — ростом под два с половиной метра, затянутый в длиннополый суконный балахон без прорезей для рукавов. На голове его покачивалась глухая кожаная маска с длинным, загнутым книзу птичьим клювом, набитым сухими травами от трупного смрада. В правой руке существо держало железный шест с закрепленным на конце фосфорным фонарем, испускавшим мертвенно-зеленоватый, тошнотворный свет.

Клара чувствовала, как Сибилла рядом с ней мелко дрожит. Не от холода — от отвращения. Цензоры не имели ушей; они ориентировались по колебаниям воздуха и теплу живых тел.

Клара применила прием, которому ее учил отец, когда настраивал сверхчувствительные спусковые механизмы морских хронометров: она замедлила дыхание, делая вдох на четыре счета и выдох на восемь, заставляя диафрагму опускаться плавно, без рывков. Ее пульс у основания челюсти дергал кожу, как натянутый шнур, но тело оставалось неподвижным, словно выточенным из того же алебастра, что и бюст кардинала.

Зеленый луч скользнул по складкам ее юбки, задержался на пуговице редингота Сибиллы, дрогнул... и уплыл дальше. Послышался сухой, шуршащий звук — подол балахона Цензора волочился по ковровой дорожке, стирая за собой пыль.

Когда свет окончательно угас в конце анфилады, Сибилла шумно втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

— Мерзость. Их держат в формалиновых ваннах в подвале под кухней. От них несет протухшей рыбой.

— Второе Правило, — одними губами напомнила Клара. — Никаких разговоров громче шелеста пергамента. Шевели поршнями, Крэйн. До курантов двадцать пять минут.

Они проскользнули через чугунную решетку в крыло анатомического театра. Здесь температура упала еще на несколько градусов. Воздух стал сладковатым, липким от паров карболовой кислоты и спирта.

Дверь в препараторскую — тяжелая, обитая черной воловьей кожей с медными шляпками гвоздей — была заперта на трехсторонний цейсовский замок с секретом.

Сибилла отступила на полшага, сложив руки на груди:

— Ну давай, часовых дел мастерица. Твой выход. Если мы застрянем здесь на три минуты, сработает термохимический запал в замочной скважине, и нас обеих окатит купоросом.

Клара опустилась на корточки перед замочной скважиной. Из рукава манжета она вытряхнула две тонкие стальные спицы — рихтовочные щупы из отцовского набора, которые она прятала в подкладке корсета.

Замок был старый, южнонемецкой работы, с шестью дисковыми сувальдами и ложными пазами. Такие ставили на сейфы гильдии ювелиров в Аугсбурге. Отец Клары щелкал их за сорок секунд с закрытыми глазами, напевая лютеранские хоралы.

Она вставила первый щуп, нащупывая базовую пружину.

Щелк.

Первый диск встал на место. Пальцы закоченели от ледяного сквозняка, тянувшего из-под двери, но кончики пальцев сохраняли поразительную чувствительность. Металл замка «разговаривал» с ней через вибрацию тонкой стали.

Щелк. Щелк.

Третий диск сопротивлялся. Внутри механизма что-то зашипело — крошечная стеклянная ампула с кислотным детонатором встала на взвод.

— Вейн, — шепнула Сибилла, и в голосе ее впервые прорезалась неприкрытая паника. — На лестнице шаги.

— Заткнись, — ровно ответила Клара.

Она не стала давить на третий диск. Вместо этого она с силой провернула второй щуп против часовой стрелки, срывая стопорную шайбу. Раздался сухой металлический хруст, за которым последовал тяжелый, освобождающий щелчок ригелей, ушедших в пазы косяка.

Дверь подалась внутрь.

Они ввалились в препараторскую, захлопнув за собой створку за секунду до того, как за порогом проскрипели тяжелые подкованные сапоги ночного сторожа.

В комнате царил полумрак, разбавляемый лишь багровым свечением контрольной конфорки под гигантским медным автоклавом, стоявшим в центре помещения. Аппарат глухо гудел; внутри толстостенного котла мерно булькала жидкость, а из клапана сброса давления тонкими ритмичными плевками вырывался пар, пахнущий вываренным костным мозгом и корицей.

— Вон там, — Сибилла указала на конторку у витражного окна, закрытого тяжелыми суконными портьерами. — Верхний ящик под бюваром из свиной кожи.

Клара метнулась к столу. Среди разбросанных скальпелей, склянок с йодом и недоеденных черствых булок лежал узкий футляр из черного мореного дуба. Крышка не была заперта — Брандт был слишком уверен в непогрешимости внешнего замка.

Внутри лежал свиток.

Но это был не пергамент. Материал был тоньше, эластичнее, желтовато-серого оттенка, с едва различимым рисунком пор и тонких волосков. Клара подавила рвотный позыв, поняв, что держит в руках человеческую кожу искусной выделки.

Текст был начертан киноварью. Четкие, рубленые буквы лемурийского унциала.

Клара пробежала глазами первые строки. Ее дыхание перехватило.

— Ну что там? — нервно спросила Сибилла, караулившая у дверного глазка.

— Брандт действительно собирался меня убить, — глухо сказала Клара. — В его свитке формула была инвертирована. Она открывала канал внутрь тела чтеца, превращая его в фильтр для осадка. А здесь... здесь написано другое.

Она быстро свернула кожу и сунула ее за пазуху, под шерстяной жилет. Холод свитка обжег ребра даже сквозь сорочку.

— Что другое, Вейн? Не тяни душу!

— Врата катакомб не запечатывают бездну, Сибилла. Они ее сдерживают под давлением. Как предохранительный клапан на паровой машине. И привратник — это не страж. Это машинист.

Не успела Сибилла ответить, как тишину ночи разорвал первый медный удар башенных курантов.

БОМ.

Низкий, утробный звук прокатился по перекрытиям анатомического театра, заставив зазвенеть скальпели на стеклянных лотках.

БОМ.

Автоклав в центре комнаты внезапно захлебнулся. Бульканье прекратилось. Клапан сброса пара с визгом захлопнулся, и стрелка манометра на медном боку котла бешено метнулась в красную зону.

— Полночь, — побелевшими губами произнесла Сибилла. — Началось.

~ ~ ~

Они спустились к амфитеатру по служебному пандусу, предназначенному для скатывания бочек со льдом.

Воздух в круглом зале переменился до неузнаваемости. Час назад здесь было холодно, но мертво и пусто. Теперь же колодец дышал. Стены из черного базальта покрылись испариной, пахнущей болотным метаном и сырой землей.

Бронзовая плита лежала на прежнем месте в центре арены. Но лужицы крови вокруг нее исчезли.

Они не испарились и не впитались в камень. Они стеклись к четырем круглым пробоинам и застыли в них плотными, глянцевыми пробками, похожими на черные виноградины. А само слово *«БЕГИ»* на верхненемецком вздулось над поверхностью базальта, превратившись в барельеф из запекшейся корки.

Клара подошла к плите, сняла с плеча брезентовые ремни и накинула их на углы бронзовой стелы. Руки работали автоматически, пальцы вязали морские узлы с точностью механизма. Страх отступил, уступив место предельной, ледяной концентрации.

— Помоги поднять, — бросила она Сибилле. — Она весит не меньше четырех пудов. В одиночку я сорву спину на первой же ступени.

Сибилла подошла, с брезгливой гримасой ухватилась за свободный ремень. Вместе они натянули постромки. Плита оторвалась от пола с чавкающим звуком, словно камень не хотел ее отпускать.

Они поволокли груз к темному арочному проему в дальнем конце нефа — туда, где начиналась лестница в глубинные горизонты. Над аркой висела чугунная доска с выбитой цитатой из Августина: *«Qui fecerit tenebras, ipse ingredietur in eas»* — «Кто сотворил тьму, тот сам войдет в нее».

Лестница уходила вниз под углом почти в сорок пять градусов. Ступени были узкими, скользкими от наросшего черного мха, и каждый шаг отзывался гулким эхом где-то далеко внизу, словно они спускались в пустую винную бочку исполинских размеров.

Через пятьдесят ступеней воздух стал настолько густым, что его приходилось буквально глотать. Факелы здесь гореть не могли — кислорода не хватало. Клара достала из кармана серебряный талер Харона, который дала ей Сибилла.

Едва они миновали отметку третьего подземного водоносного слоя, пластина в руке Клары начала слабо фосфорицировать. Ее бледный, пепельный свет выхватывал из тьмы влажные арочные своды, сложенные из грубо отесанных гранитных блоков, и бесконечные ряды чугунных труб, покрытых конденсатом. Трубы вибрировали. По ним текла не вода — внутри глухо перекатывалось что-то тяжелое, вязкое, издававшее мерный, ритмичный стук.

Тук... тук... тук...

Словно под камнями билось гигантское механическое сердце.

— Дальше я не пойду, — Сибилла остановилась на площадке перед чугунной решеткой шлюза. Лицо ее в пепельном свете талера казалось лицом утопленницы. Губы посинели. — Вот внешняя граница. За этими воротами заканчивается юрисдикция ректората и начинается сектор Совета.

Клара сбросила постромки, опустив плиту на каменную плиту площадки. Бронза звякнула о гранит, и звук этот покатился вниз по коридору, затихая на протяжении долгих секунд.

— Книжка Готье, — напомнила Сибилла, судорожно вцепившись в железные прутья шлюза. — Ты обещала, Вейн. Если найдешь его тело... или то, что от него осталось. Вырежи карман. Не возвращайся без него.

— Я помню свои долги, Крэйн, — Клара поправила свиток из человеческой кожи за пазухой. — Жди здесь. Если через три часа я не поднимусь...

— Если через три часа ты не поднимешься, я запру внешний шлюз на висячий замок и залью замочную скважину свинцом, — перебила Сибилла с жестокой честностью. — У меня нет ни малейшего желания смотреть, что вылезет оттуда следом за твоим трупом.

Клара усмехнулась — коротко, одними уголками губ. Такая искренность нравилась ей куда больше фальшивых утешений.

Она взяла талер в зубы, освобождая руки, снова взвалила ремни на плечи и толкнула тяжелую створку ворот. Железо поддалось без скрипа — петли были обильно смазаны свежим говяжьим жиром.

Она шагнула в темноту.

Штольня тянулась прямо, как ствол мушкета. Здесь не было капели, не было запаха сырости. Пахло раскаленным металлом, озоном и старой пылью, как в часовой башне в разгар июльского полдня. Стены были облицованы глазурованным кирпичом темно-зеленого цвета, по которому змеились медные провода в шелковой изоляции — технологии, которых официально не существовало в Академии, да и во всей империи.

Через триста шагов тоннель оборвался гигантским круглым залом.

Клара замерла на пороге, едва удерживая лямки от натянувшихся ремней.

Посреди зала высились Железные Врата.

Они не имели ничего общего с готическими решетками верхних ярусов. Это была циклопическая круглая диафрагма из вороненой стали толщиной в три фута, врезанная прямо в монолитную скалу. Десятки массивных затворов расходились от центра к краям, как лепестки стального цветка. В центре сходились медные трубы, уходившие в пол, а прямо перед диафраг-

мой стоял массивный постамент из серого гранита с квадратным углублением точно под размер бронзовой плиты, которую волокла Клара.

Но зал не был пуст.

У подножия постамента, на опрокинутом деревянном ящике из-под реактивов, кто-то сидел.

Пепельный свет талера выхватил из мрака худую фигуру в черном сюртуке чиновника Министерства просвещения. На коленях у человека лежала открытая конторская книга в сафьяновом переплете, а в руке он держал стальное перо с длинным вороньим пером на конце.

Человек поднял голову.

Клара почувствовала, как мороз пробежал по коже, заставив волоски на затылке встать дыбом.

Лица у человека не было. Точнее, вместо лица была туго натянутая маска из тонкого полупрозрачного воска, сквозь которую просвечивали синюшные вены и контуры оскаленных зубов. Глазниц не было вовсе — гладкий воск покрывал лоб до самых скул, но чиновник безошибочно повернул голову прямо к ней.

— Вы опоздали на четыре минуты, мисс Вейн, — произнес он. Голос звучал гулко, плоско, словно доносился из глубины пустого медного котла. — Магистр Брандт уверял Совет, что стипендиаты вашего набора отличаются швейцарской пунктуальностью.

Клара не опустила ремни. Она сжала талер в кулаке так, что острые края серебряного кругляка врезались в ладонь до крови.

— Плита доставлена, — произнесла она, заставляя свой голос звучать сухо и деловито. — Формула со мной. Я требую клеймо привратника и беспрепятственный проход на поверхность.

Человек в восковой маске издал тихий, булькающий звук, отдаленно напоминавший вежливый смешок чиновника канцелярии.

— Требуете? Какая восхитительная провинциальная дерзость. Вы полагаете, что сдали экзамен, мисс Вейн? Вы думаете, что совершили маленькую победоносную вылазку, обманули беднягу Брандта, выкрали подлинный текст у препаратора и теперь триумфально вернетесь в свою чердачную конуру?

Он медленно встал с ящика. Рост его был обманчив — распрямившись, он оказался почти на две головы выше Клары. Пальцы в серых фильдеперсовых перчатках неторопливо закрыли сафьяновую книгу, издав сухой, отчетливый хлопок.

— Положите плиту в гнездо постамента, — приказал он. — И взгляните на оборотную сторону талера, который вы так судорожно сжимаете в кулаке.

Клара помедлила секунду, затем резким движением сбросила бронзовую плиту. Та с грохотом рухнула точно в гранитный паз постамента. Четыре отверстия в металле совпали с четырьмя медными трубками, торчавшими из камня, и из недр постамента немедленно раздался голодный, свистящий засос: трубы начали втягивать воздух.

Клара разжала пальцы и перевернула серебряный талер Харона.

При пепельном свете подземного зала она увидела то, чего не заметила в полумраке амфитеатра.

На обратной стороне монеты не было ни волчьего черепа, ни герба Академии. Там был выгравирован глубокий фамильный вензель — два скрещенных морских якоря под короной из лавровых листьев.

Герб дома Крэйн.

А под ним — свежая, четкая гравировка с датой сегодняшнего дня и суммой:

«Принято в уплату долга по закладной № 412. Залог доставлен лично наследницей».

Холодная, острая мысль пронзила мозг Клары с точностью хирургической иглы.

Сибилла не спасала ее.

Сибилла не мстила за кузена.

Сибилла выполняла условия мирового соглашения своего отца с Советом Попечителей. Она должна была не просто привести Седьмой сосуд к вратам — она должна была лично вручить ему талер с фамильной печатью, тем самым передав права на тело и кровь стипендиатки в счет погашения долгов рода Крэйн.

— Вы прекрасно справились, дитя мое, — мягко проговорил человек в восковой маске, делая шаг к ней и протягивая руку в серой перчатке. — Ваш отец задолжал нам тридцать тысяч талеров. Дом Крэйн задолжал нам четыреста тысяч. Но Совет милосерден. Он умеет сводить баланс.

Он указал на стальную диафрагму Железных Врат. Затворы внутри механизма начали медленно, с чудовищным скрежетом проворачиваться, открывая узкую щель, из которой повеяло жаром доменной печи и запахом раскаленной серы.

— Читайте формулу, Клара Вейн. Но не ту, что вы украли в препараторской. Прочтите надпись на оборотной стороне вашего платка. Ту, которую вы неосмотрительно промокнули кровью Мартина Готье.

Клара механически опустила руку в карман жилета.

Ткань платка была горячей. Почти обжигающей.

Она вытащила комок серого хлопка. Кровь Готье на нем больше не была бурой. Она светилась тусклым, ядовито-малиновым светом, сложившись в аккуратные, четкие строки договора о добровольной цессии души.

А позади нее, в полукилометре вверх по тоннелю, раздался тяжелый, глухой металлический лязг.

Это Сибилла Крэйн, в полном соответствии со своим обещанием, захлопнула внешний шлюз и повернула ключ в замке.

Глава 5. Записка между страниц

Хлопок носового платка не просто грел ладонь — он сочился сухим, едким жаром, точно кусок кровельного железа, брошенный в кузнечный горн.

Ядовито-малиновые строки, проступившие сквозь подсохшую кровь Мартина Готье, вибрировали под подушечками пальцев. Они не складывались в привычный канцелярский курсив Коллегии; буквы были вытянутыми, с тяжелыми нижними засечками, какими переписчики гильдии святого Луки в четырнадцатом веке помечали разделы о выкупе пленных и праве мертвой руки.

— Читайте, Клара, — повторил человек в восковой маске. Голос его звучал ровно, с тем невыносимо вежливым, бархатным равнодушием, с каким судебные приставы зачитывают опись конфискованного белья у чахоточных прачек. — Тридцать две строки. Отречение от имени, уступка телесного придела и передача прав на посмертную эманацию. Не заставляйте шлюзовые шестерни работать вхолостую. Пар разъедает прокладки, а Совет Попечителей не любит незапланированных расходов на амортизацию.

Он сделал еще полшага вперед. Серая лайка его перчаток тихо скрипнула, натягиваясь на суставах. От мужчины пахло дорогим очищенным китовым жиром, трубочным табаком с нотой чернослива и ледяным, застоявшимся известковым духом склепа.

Клара не сделала шага назад. Отступать было некуда: за спиной, за толщей полуметровых дубовых стволов и кованых железных полос, звенела глухая тишина запертого Сибиллой внешнего шлюза.

Вместо паники внутри нее включился тот самый холодный, безжалостный механизм, который отец когда-то называл «взглядом оценщика». Когда тебе тринадцать, и кредиторы переворачивают матрасы в твоей детской, выискивая зашитые золотые дукаты, ты либо захлебываешься слезами, либо начинаешь считать: сколько пружин в каркасе, какова толщина конского волоса и сколько медяков можно выручить за медные гвозди в спинке кровати.

Ее пальцы, спрятанные в кармане шерстяного жилета, крепко стиснули тяжелый серебряный талер дома Крэйн.

Ребро монеты было толстым, с глубокой накаткой в виде якорных канатов. Оружейное серебро высшей пробы, пластичное, но способное выдержать чудовищное давление.

— Вы ошиблись параграфом, ликвидатор, — негромко произнесла Клара. Голос ее, вопреки онемевшим губам, прозвучал суше, чем шелест чертежной бумаги. — Третий устав Совета Попечителей от тысяча семьсот сорок восьмого года. Параграф сорок два, примечание «б». Любая цессия, оформленная на ветоши или вторичном носителе, требует присутствия поручителя со стороны должника.

Человек в маске замер. На белой, гладкой поверхности воска узкие прорези для глаз казались двумя провалами в пустую чердачную тьму.

— Вы торгуетесь за секунды, мисс Вейн. Это недостойно стипендиатки с вашим средним баллом по догматике.

— Я не торгуюсь. Я указываю на дефект документа. — Клара медленно, не сводя глаз с темных отверстий маски, вытянула левую руку с платком вперед. Пылающие малиновые знаки на ткани уже обугливали края льна; в спертом воздухе подземной галереи запахло горелым пером и паленой шерстью. — Кровь Готье мертва. Он испустил дух в препараторской за сорок минут до того, как вы приказали Сибилле сорвать этот лоскут с его шеи. Мертвая кровь не порождает обязательств перед живыми. Это не договор. Это фальшивка.

Ликвидатор коротко, почти сокрушенно вздохнул.

— Какая досадная, педантичная близорукость. Какая разница, жива кровь или мертва, если створки Врат все равно закроются за вами?

Он выбросил руку вперед, метя в горло.

Но Клара ждала именно этого броска.

Она не стала уклоняться в сторону — на узком каменном уступе над жерлом Врат любое неверное движение сбросило бы ее в шипящую темноту нижнего водосброса. Вместо этого она метнула горящий платок прямо в восковое лицо мужчины.

Ткань вспыхнула ярким, фосфорным пламенем, едва коснувшись воздуха. Воск на щеках маски мгновенно поплыл, закипая крупными, мутными пузырями, брызжа на сукно его пальто. Ликвидатор глухо, сквозь зубы выругался и рефлекторно вскинул обе руки в серых перчатках, сбивая огонь.

Этих двух секунд Кларе хватило с избытком.

Она не побежала к запертому шлюзу — это было бы глупостью обреченной. Опустившись на одно колено, она всем весом навалилась на латунный распределительный рычаг нижнего гидравлического контура, торчавший из паза в полу. Металл был ледяным, скользким от конденсата. Рычаг подался со скрежетом, обнажая вращающуюся передаточную шестерню маховика.

Клара с размаху вогнала тяжелый талер Крэйнов прямо между бронзовыми зубьями ведущего колеса.

Раздался звук, похожий на винтовочный выстрел в закрытом помещении.

Серебро монеты смяло, впрессовало в паз, и зуб шестерни с сухим, омерзительным треском раскололся пополам. Вся чудовищная масса противовесов Железных Врат дернулась. Где-то в глубине стены с глухим уханьем лопнула медная труба высокого давления. Струя перегретого пара толщиной с руку взревела, ударив в потолок и моментально заполнив полукруглую нишу непроглядной белой пеленой.

— Дрянь! — донесся сквозь рев пара искаженный яростью голос ликвидатора. Восковая маска соскользнула с его лица, и на мгновение Клара увидела то, что скрывалось под ней: багровые рубцы химических ожогов, впалый нос без хряща и один единственный, затянутый бельмом глаз, налитый кровью. — Ты сломала кулису! Врата заклинит на третьем цикле!

— Они заклинят прямо сейчас, — процедила Клара, перекатываясь по мокрым плитам к низкой арочной щели угольного шурфа.

Это был технологический лаз, предназначенный для чистки зольников старой котельной. Студенты благородных кровей не знали о его существовании; они вообще редко задумывались о том, откуда берется тепло в радиаторах Большого зала. Но Клара на первом курсе провела три недели на отработке штрафных часов, перетаскивая антрацит под началом угрюмого одноглазого истопника.

Она втиснулась в узкий каменный желоб головой вперед. Острые края битого кирпича и слежавшаяся угольная пыль мгновенно распороли подол ее форменной юбки и ободрали предплечья до крови, но она ползла, отталкиваясь носками стоптанных ботинок с яростью загнанного в нору хорька.

Позади нее, в тумане пара, гремели выстрелы револьвера — пули со свистом рикошетили от гранитных сводов шурфа, выбивая искры и осыпая ее шею каменной крошкой. Затем раздался чудовищный скрежет сминаемого железа: сорвавшийся с направляющих полуторатонный противовес рухнул вниз, окончательно погребая под собой вход в шахту и наглухо закупоривая Железные Врата обвалом перекрытий.

Грохот ударил по ушам, сменившись вязким, давящим звоном. Воздух стал плотным, горьким от серы и пыли.

Клара замерла в темноте, уткнувшись лицом в мелкую угольную крошку.

Ее пальцы мелко, неуправляемо дрожали. Левая ладонь, державшая горящий платок, горела так, словно с нее содрали лоскут кожи; запах паленого мяса смешивался с запахом

каменноугольного дегтя. Но под ребрами вместо ужаса пульсировало холодное, жестокое торжество.

Она была жива.

Счет Крэйнов не был закрыт. Их драгоценный талер превратился в бесформенный кусок сплющенного серебра, застрявший в горле древнего механизма Совета.

Она провела рукавом по лицу, стирая грязь и сажу, и поползла дальше по наклонной трубе шурфа, ориентируясь лишь на слабую тягу сырого, пахнущего осенней листвой и остывающим дождем сквозняка.

~ ~ ~

Наружу она выбралась через дренажную решетку в подклете часовни Святого Маврикия.

Здесь, в верхнем ярусе Академического холма, мир оставался прежним: незыблемым, надменным и упакованным в серый портландский известняк. Колокол на Северной башне отбивал половину пятого пополудни — тяжелые, медные удары мерно падали в сырой осенний туман, стелившийся над стрижеными газонами Четырёхугольника.

Студенты старших курсов в длинных суконных мантиях с пурпурной шелковой подбивкой спешили на коллоквиум по практической схоластике. Их голоса, звонкие, беззаботные, перекликались под стрельчатыми арками галерей; кто-то громко спорил о шансах университетской восьмерки на осенней регате, кто-то шуршал свежими страницами вечернего выпуска «Вестника Академии».

Ни один из них не знал, что часом ранее под их начищенными ботинками захлебнулся собственной кровью второй наследник виконта Готье.

Клара прижалась спиной к замшелой колонне клуатра, пережидая стайку третьекурсниц в темно-синих шерстяных кейпах. Ей потребовалось несколько минут, чтобы привести себя в относительный порядок: в темном, ледяном бассейне для омовения ног она смыла сажу со щек и пальцев, заправила рваный подол юбки под пояс длинного форменного блейзера и туго перетянула обожженную ладонь полосой оторванной от нижней сорочки ткани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.